

Генри Лайон Олди ШМАГИЯ

*Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.*
Арсений Тарковский

*Чашка, из которой нельзя пить. Меч,
которым нельзя рубить. Книга, написанная
на незнакомом языке; музыка, слышимая
только самому музыканту. Бессмыслица?
Да, конечно. Но чем старше я становлюсь,
тем чаще видится мне в снах эта чашка,
этот меч и эта книга. А вы, глупцы,
просите, чтобы я рушил горы и обращал
реки вспять! Не надо, дайте мне
состариться в радости...*

**Из тайных записей Нихона
Седовласца**

PROLOGUS

Лес упорно играл с женщинами в «путанку». Выберись Ядвига по ягоды одна — в жизни б не нашла знакомой поляны, окруженной зарослями

ежевельника. Под ноги то и дело подворачивались окольные тропки-тропиночки, норовили увести в буреломы, закружить, заморочить.

Чащин Дедко балует?

Вроде не должен. Еще на опушке Мэлис все нужные слова прошептала, лоб трилистником осенила, а на тропу отваром яснопутицы хлюпнула. Видать, чуяла подвох: обычно в Филькин Бор ходили запросто, без опаски, а нынче и ведьмовские штучки беде не указ. Больше часа блуждали по хоженным-топтаным местам, прежде чем встала пред бабами горелая сосна-указуха. Черная, как вдова на похоронах, сосна скорбно тыкала сухой рукой-ветвью в нужную сторону.

Ядвига вздохнула с облегчением: шабаш, мол, добрались. Рот открыла, Чащина Дедку поблагодарить, да наткнулась на взгляд подруги: крючковатый, страшный. Не змеиный даже — скорпионий.

Осеклась, потупилась.

Казалось бы: ну что в ней особенного, в крошке Мэлис? Хоть и ведьма, а своя, тутошняя, с малых лет у людей на виду. Не заезжая чароплетка, к которой и подойти-то боязно. Баба как баба, еще и моложе самой Ядвиги. Мужики по сей день вослед пялятся. Иные шалят, пристают. Только зря: зыркнет, бывало, Мэлис, к земле кобеля

приморозит. Бежать охота, все равно куда, лишь бы подальше, а ноги плетью волочатся...

Может, домой повернуть? Гори он огнем, этот ежевельник!

Правда, ягода полезная, на всяк вкус. В отворот-зелье идет, варенье знатное получается. Когда юфть лиловая требуется, в красильном растворе без ежевеловых ягод — никак.

У мужа заказ на шесть кип. Вернешься с пустым лукошком, браниться станет. Или поколотит! Леон на руку скорый... Остаться? Уйти от греха подальше? Ну, побьет муж — в первый раз, что ли?!

Ядвига покосилась на спутницу, молча признавая за ведьмой старшинство. Пусть Мэлис годами не вышла командовать, последнее слово все равно за ней будет.

Слова она не дождалась. Мэлис явственно пригнулась, тряхнула головой, словно гоня мару — рыжие кудри расплескались по плечам, — и двинулась вперед. Куда указывала рука-ветка.

На Ядвигу не оглянулась: знала, что та не отстанет.

Под ногами пружинил, чуть слышно скрипя, упругий мох. Потел легкой слизью. Здесь всегда было сыро, даже в летний зной. Сыро, но не топко. Лишь теперь Ядвига заметила, какая вокруг стоит тишина. Ни птичьего щебета, ни зуденья комаров,

ни шелеста листьев под ветром. Воздух застыл зябким дурманом, пугая грозой. Ведьма остановилась, ощупала ладонью пустоту перед собой. С усилием сделала шаг, другой. Ядвига заторопилась: потерять из виду подругу, остаться наедине с молчаливой чашей казалось ей сейчас самым страшным.

— ...я знаю, ты можешь. Ты должна постараться. Очень постараться...

В какой-то миг женщине почудилось: ее обступила дымная мгла, где роились тени из печной сажи. Краски дня померкли, лес сделался пепельным, неживым. Ядвига в панике рванулась, двигаясь, будто в вязком киселе, сваренном из горсти «волчьего овса». Еле слышно тенькнула струна, обрываясь далеко, на самом краю слышимости. Мир стал прежним. Шипастые заросли ежевельника с гроздьями сизых ягод и плотными, покрытыми восковым налетом листьями оказались совсем рядом. Рука машинально потянулась к ягодам — и женщина беззвучно выругала себя, глупую.

Люди.

На поляне.

Чужие, не местные.

Она не могла толком разглядеть, чем занимались чужаки. В двух шагах за кустами притаилась Мэлис. Извернувшись, зло махнула

рукой: нагнись, дурища! Увидят! И вновь припала к прорехе в кустарнике. Ядвига послушно согнулась в три погибели. Подсматривать было боязно: вдруг заметят?! Но страсть как хотелось хоть одним глазком... Изо всех сил стараясь не шуметь, женщина на четвереньках поползла вдоль колючей стены, вскоре обнаружив узкую щель. Осторожно, с замираньем сердца, выглянула.

— Сэпти, что там?

— Вижу, но скверно. Ага, вот... П-прах, сорвалось! Серп почти достал его...

— «Почти» нас не устраивает. Детка, ты поняла? Пробуем еще. Старайся. Очень старайся. Иначе я стану злым дядькой. Даже демоны Нижней Мамы боятся таких злых дядек...

— Я не умею! У меня не получается! Я могу *наоборот*...

— Ты плохая детка. Элм, объясни ей.

— Сейчас, Фарт. Объясню.

— Сто раз тебе говорил: не называй меня Фартом!..

Трое мужчин стояли по краям поляны, образуя искаженный треугольник. Внутри треугольника из земли торчали семь факелов: пять длинных и два коротких. «Факела-то зачем?! — удивилась Ядвига. — День ведь, солнце. И пламя странное: с червоточинкой...» Меж факелами дрожало стеклистое марево, будто над дорогой в

жаркий полдень. А в мареве топталась девочка. Босая, белобрысая малышка. Совсем кроха, лет семи-восьми. С лицом у девочки творились чудные диковины. Плачет, бедняжка? Или марево черты искажает?!

Один из мужчин пошевелился. Колыхнулся серый плащ до пят; широкополая шляпа качнулась, скрыв лицо в тени. Точь-в-точь огромный гриб-нетопырник! Из-под плаща метнулись узкие руки, ухватили поводок-невидимку. Девочка захрипела, шатнулась, как от пощечины. Схватила руками за горло. В ответ — взмах призрачного бича. Жертва извивалась змеей, будто в ее теле вовсе не было костей, пыталась закрыться от ударов.

Тщетно.

Ядвиге удалось подавить крик, лишь зажав себе рот ладонью.

— Не надо! Я буду пробовать!

— Уж постарайся, сделай милость. Давай!

Девочка обреченно смотрела в землю. Щуплая, в желтом платице, трепетавшем на ветру, она походила на цыпленка в окружении стаи коршунов. Сердце Ядвиги разрывалось от жалости. Только чем тут поможешь? Ясно же: колдуны. Сунься — в жабу превратят. Мамка, помнится, в детстве стращала...

Женщина не выдержала: зажмурилась. А когда вновь открыла глаза, девочка медленно разводила руки в стороны. Взлететь хотела, что ли? Взгляд ее больше не упирался в землю. Жутковатые зеленые огоньки мерцали в глазах крохотного существа, которое вдруг показалось Ядвиге старше, много старше своих лет.

Или это был отсвет колдовских факелов?

Руки ребенка колыхнулись водорослями в реке, зажили собственной жизнью. Пальцы тянули, дергали, связывали, рвали, плели кружева. Движения до боли напоминали жесты колдуна в плаще, когда тот затягивал на шее жертвы петлю, взмахивал бичом. Неужели там, на другом конце нитей, кто-то тоже сейчас хрипит, корчится? Молит: «Не надо!» Шепчет: «Я буду пробовать?!»

Ядвигу прошиб ледяной пот. Бежать! Прочь от заклятого места! Пусть Леон бранится, пусть изобьет до полусмерти! Лишь бы не видеть, не слышать, не думать...

— Так, хорошо... давай, давай...

— Проклятье! Он почуял!

— Кто?

— Маг трона...

— Кисею! Быстро! Помогите мне!

— А она?

— Плевать! Главное...

Что было сейчас главным для колдунов-мучителей, узнать не довелось. Воздух налился аспидной чернотой, уши заложило. Ураганный порыв ветра задул и расшвырял в стороны факелы, кричащие птичьими голосами. Желток солнца сварился вкрутую. Навалилась душная, беззвездная ночь. Сквозь вой заблудшего бурана до Ядвиги долетел вопль Мэлис — ведьма отчаянно молола какую-то тарабарщину. Женщина еще успела увидеть, как победно, со взрослым злорадством усмехнулась девочка, делая шаг — нет! — гадюкой, тягучим студнем, жидкой смолой вытекая за рухнувший под ударом барьер...

В дальнем овраге, испуганный до колик, прятался Чащин Дедко.

Вылез он лишь к вечеру.

CAPUT I

«И прелесть трех невинных дев в тенетах мага углядев, шли рыцари окрест»¹

Нет, не стоило есть на ночь моченых трепангов! Эта мысль неотступно преследовала Андреа Мускулюса все время, пока карета колдуна въезжала в Ятрицу. У злодейки-мысли имелась внушительная свита — например, раскаяние. Угрызения совести. Самоедство и самобичевание также были спутниками ее, вкупе с телесной немочью. И вся эта развеселая компания угнездилась в желудке, гласом вопиющего взывая к отдаленному рассудку: «Не остановил? Предался пороку?! Так уж тебе!» Опытный чароплет, доверенное лицо самого Просперо Кольрауна, талантливый малефик, а в будущем — вполне возможно, что и личный лейб-малефактор короля Эдварда II, Мускулюс без особого труда справился бы с подлыми мятежниками. Взял бы за глотку куда

¹ Здесь и далее — избранные цитаты из поэмы «Вертоград» Адальберта Меморандума, народного ятрийского поэта, штабс-секретаря Ложи Силлаботоников, автора «Куртуазного Декларата».

быстрее, чем герцог Арнольд Крепыш подавил Бунт Пасквилянтов. Но полчища врагов казались неисчислимыми, подобно саранче на июльской гречихе, а силы требовалось беречь для другого.

Геенна снежная поглотила виртуоза-повара из «Пузатого фавна»! С укропом, с зернышками тмина, с рассолом, душистым и пряным, поданным отдельно в фарфоровой чашечке! Ах, на донце посудинки сладко ворковала чета фазанов... Или фазаны не воркуют, а курлычут? Впрочем, неважно. Колеса грохотали по булыжнику мостовой. От въездной таможни, где чернокожие рабы-ясновидцы отрешенно внимали эманациям багажа и кошельков гостей, карета свернула у Олень-Колодезя в квартал Казенных Мздоимцев. Вот площадь 3-го Эдиктария с памятником Конному Варвару. Дальше — трехэтажная, с башенками, обитель Веселых Братьев. Приплясывая на монастырской стене, ветер трепал штандарт с девизом ордена: «Скажи унынию «нет»!» Андреа сидел на козлах, ловко управляясь с вожжами. Да, низкое занятие для дипломированного колдуна. Но брать в поездку еще и кучера? Мужика ядреного и падкого на живое лакомство?! — недопустимый риск. Маясь брюхом, Мускулос проклинал трепангов, чревоугодие, судьбу, а пуще всего доставалось троице лильских девственниц, которые, собственно, и обрелись в недрах кареты.

Девственницы из Лилля, что близ Дангопеи, — товар особый.

Редкостный.

Бац!

Это Тьяден Штерн, молодой гвардеец из выделенной Мускулюсу охраны, метнул очередное яйцо перепела. Расположась на крыше с корзиной заклятых яиц, купленных на ближайшей ферме и испорченных лично колдуном «на желчь-вертунец», юноша в оба глаза следил за ятричанами. Словно пастух за упрямыми, своевольными козлами.

Если, конечно, какому-то олуху взбредет в голову выпасать козлиное стадо!

Даже не видя лилльской троицы из-за стен кареты, усиленных стальными полосами — окошко наглухо забили доской при выезде из Лилля! — мужчины Ятрицы, юнцы, старики и зрелые дядьки, сладко вздрагивая, шли на запах. Неосознанно, бездумно, словно на поводке-невидимке. Многих, кого не успели осадить верные жены и подруги, все-таки сдерживал вид двух дюжих капралов с лупильными шестами пяти локтей в длину. Стоя на запятках, охрана умело вертела оружием, отчего карета скорее напоминала боевую колесницу. Завернув на полпути, жертвы страсти толпой брели вослед, мало-помалу отставая и оседая в переулках. Но когда у скобаря или зеленщика окончательно

мутился взор и несчастный шел напролом, глупо моргая и жадно подрагивая ноздрями...

...тут наступал черед Тьядена. Умело выхватив яйцо, парень с лета расшибал его о голову вожделенца, мигом возвращая ятричанина в лоно добродетели. Дешево, значит, и сердито. Правда, были у этого метода побочные эффекты, с коими супруга бедолаги тщетно пыталась справиться неделю и больше. Увы, здесь Мускулюс ничего не мог поделать.

Порча есть порча.

К счастью, Тьяден не знал промаха. Иначе колдун задолго до ятричанской таможни разорился бы на яйцах, сильно обогатив сквалыжных и грубых фермеров-перепелятников.

Путь Андреа лежал на южную окраину города. Там располагалась дубильно-красильная мастерская Леонарда Швеллера. Редкий умелец, мастер Леонард прошел суровую школу у любимого родителя — бывший кожедер и кожемяка, папаша Бьорн предпочитал в воспитании детей знакомые методы и славился выделкой кожи для некрофолиантов и морбус-инкунабул, иначе «хворь-колыбелей». В сих мудрых книгах, тщательно отобранных знатоками, хранились наиболее смертоносные заклятия. Чтобы чары не разбегались в самоволку, грозя народу бедствиями, требовался надежный переплет. А лучше кожи

девственниц, выделанной под белую юфть со смазью из березового дегтя и ворвани, ни один маг еще ничего не придумал. Разумеется, если не считать скреп-горгулий из сизой бронзы, изобретенных лично Нихоном Седовласцем. В итоге мастерские, подобные заведению Швеллеров, высоко ценились меж честными волшебниками.

Главное здесь было даже не закупка в Лилле девиц нужной породы.

Главное — довести их до мастерской в целости, прежде чем начнется линька.

За свою жизнь, а ему в текущем листвянчике сравнялось тридцать два, Андреа Мускулюс пять раз посещал Ятрицу с ценным товаром. Трижды — в молодости вместе с Просперо Кольрауном, боевым магом трона, под надзором которого юный колдун постигал азы гармонии стихий и рунической ноометрии. Однажды — самостоятельно навестив мастерскую Швеллера и запомнив эту поездку надолго. Аж мороз по хребту: девственница сбежала, прячась в питомнике сторожевых единорогов, гвардеец сломал лодыжку, отбивая девицу у рогатых бестий... И наконец, семь лет назад — по велению наставника сопровождая нынешнего лейб-малефактора Серафима Нексуса.

Возраст знаменитого старца, видите ли, мешал осуществлять надзор за девственницами в должной степени.

Последнее крайне изумляло Андреа. «Сглазить на шкворень» мятежников, издали злоумышлявших на Ретгийский престол, или отразить «алмазный венец», брошенный королю Эдварду ламиями Третьеих судилищ, — это для немощного доходяги Серафима было пустяком, не заслуживающим внимания. За последний подвиг он даже удостоился «Вредителя Божьей Милостью» с розами и бантами. А личный присмотр за девицами...

Впрочем, мнительный Мускулюс опасался слишком много думать вслух о Серафиме Нексусе, чье место при попущении и доброжелательстве патриарха надеялся однажды занять. А посему, страдая жестокой изжогой, изгнал из головы опасную тему.

Бац!

Ну, это Тьяден. Мечет, умница.

Оба капрала с шестами и Тьяден с корзиной были заблаговременно сглажены колдуном. Верность присяге и воинский долг плюс двойное жалованье с премиальными обрекли героев на злоизвестный «ледяной дом» — ужас ловеласов королевства — сроком на семь сороковин. Пылкие вдовушки на всем долгом пути из Лилля в Ятрицу рыдали ночами в подушки, зная: близок локоть, да честь смолоду! Иначе Мускулюс ручался головой, что никаких новых переплетов Просперо Кольраун,

будь он хоть трижды мэтр-секретарь ложи Бранных Магов, не дождется.

Утрата невинности лишала кожу красоток дивных свойств. Да и линька у них прекращалась до восьмидесяти шести лет. А кому нужна шкура дряхлой карги? Ослиный хоз в грубых пупырышках, и тот чаще идет на нужды переплетчиков...

Колдун с наслаждением сглазил бы и себя, во избежание и для пользы дела. Но «ледяной дом» обрекал на астрацию, глухоту к музыке сфер, что простительно для солдата, но для чароплета смерти подобно. Опять же порчу охраны требовалось регулярно поддерживать: «лед» грозил растаять до срока. От близости проклятых девиц на пороге линьки семь сороковин сокращались с ужасающей быстротой. Кусая губы, безнадежно сублимируя девятый вал страстей, Андреа утешался исключительно добродетельными сентенциями.

Соппротивление пороку есть благо, аскет терпел и нам велел, все зло от баб и так далее.

В прошлом — колдун широкого профиля, крайне огорчая учителя отсутствием личных пристрастий или особых, востребованных обществом талантов, шесть лет назад Мускулюс открыл в себе дар малефика. В результате некоего происшествия, о котором он вспоминать не любил, получив по лбу тяжелой глиняной кружкой, и не

одной, а несколькими подряд, Андреа сподобился просветления. У него открылся третий, «дурной» глаз. Причем самого замечательного свойства: так называемый «вороний баньши», с правильным прикосом на печной камень, на дверную скобу. Любой маг-вредитель с радостью продался бы Нижней Маме на дюжину рождений, лишь бы в тринадцатый раз родиться с таким чудом. Для Мускулюса это было подарком судьбы. Когда беспутный бродяга валандается по свету, не сумев найти место в жизни, — здесь все понятно. Собаке — собачья жизнь. Но когда колдун с дипломом и амбициями годен лишь оставаться верным слугой учителя...

Короче, счастливый Просперо Кольраун мигом прошел с учеником академический спецкурс малефициума. Настоял на посещениях Зимних Ассамблей по мануальным наговорам; для практики даже пожертвовал часть личной маны в фонд Реттийского Универмага. Далее рекомендовал Андреа своему знакомцу по Клубу Равных, памятному Серафиму Нексусу, — и судьба колдуна решилась.

— Быть тебе моим преемником! — сказал добродушный Серафим.

Он довольно моргнул, когда Мускулюс в ответ не стал сплевывать через левое плечо, в знак доверия к лейб-малефактору. Двоим предыдущим

«преемникам» старенький Нексус уже вырвал их грешные языки за хамское неуважение к его возрасту и званию.

А этот, Кольраунов птенчик...
Молодой, видать, да ранний.

* * *

— Доброго здоровья, мастер Андреа!

Вопреки ожиданиям, хозяин мастерской не вышел встречать дорогих гостей. И сыновей вперед не послал. В воротах топталась его дочь (младшая, вспомнил Мускулюс), улыбаясь радушно и слегка растерянно. Девушка была миловидная, но хроменькая, топтаться у нее получалось не очень.

Сверху, с крыши кареты, хихикнул пустосмех Тьяден. Впрочем, парень быстро вспомнил о «ледяном доме» — быстрее, чем хотелось бы! — и насупился. В его возрасте двойное жалованье лишь частично скрашивает иные, пусть временные неудобства.

— И вам цветущей прелести, моя госпожа!

— Ой, да что вы... — Щечки хромуши вспыхнули бутонами шиповника. — Зовите меня Цетинкой. Заезжайте во двор, мы для вас уже все приготовили!

Заезжать колдун не торопился.

— Как здоровье мастера Леонарда?

На самый верх забора выбрался кот: огромный, седой. Шерсть зверя стояла дыбом, хвост напоминал турристанскую шутиху, когда та распускается в небе дымным столбом. В янтарных глазах кота читалось презрение. Задрав лапу, он принялся вылизывать себя в укромных местах. Словно по уговору, из-за ног Цетинки сунулся наружу мелкий кобелек и залился пронзительным лаем. Кот вторил сверху басовитым урчанием. Окрас у кобелька был радужный, с изрядной прозеленью на хребте.

Это привело в восторг только гвардейцев: сам Мускулюс давно знал, что в Красильной слободе случается всякое. Птицу здесь не держат — курыдохнут от запора, утки часами плавают в дубильных чанах, отчего в пищу непригодны, даже фаршированные яблоками и розмарином. Гуси без головы бегают по двору дня три, а когда и больше недели... Коров доят редко, замешивая на темном, пятнистом молоке едкую протраву или дубовое корье. Пить же это зелье или делать творог-сметану рискнет разве что заядлый некромант, для укрощения восставших из ада.

Зато собаки и коты выживали, становясь изрядно красивыми.

— Папенька, хвала Вечному Страннику, здоров. Он у маменьки. Хворая она, маменька, давным-давно хворая, вот он и сидит рядышком...

А Шишка в мастерской, хозяйничает. Ему к вечеру в Пшибечаны, братцу Алоизу пять кип марокена отправлять и полторы кипы шагрени тисненой. Братец Алоиз с прошлой зимы на торговле, лавку в Пшибечанах открыл, барышничает. Как отправит, Шишка-то так сразу квасцы для вас замочит. Топталей с дуботолками он к вашему делу загодя нанял, ждут не дождутся...

Ситуация прояснялась. Ощувив малейшее неуважение, Андреа Мускулюс без промедления отправился бы к иному кожевнику, мало-мальски смыслящему в чародейном переплетстве. Пускай пришлось бы лишние сутки мучиться в дороге до Граммиха или Веселой Бьелины! Дело здесь крылось не в гордыне, а в ауре. Лилльских девиц и лиц, их сопровождающих, должны встречать с особым пиететом, искренне радуясь, — хотя стервозный нрав девственниц изрядно мешал сему. Иначе позднее в переплете всенепременно образуется раздорная трещинка, сквозь которую сбежит подлая руна: творить дурные чудеса. Ага, значит, старшие братья отсутствуют по уважительной причине. Шишка, он же Шишмарь Швеллер, готовится к ответственной работе, подбивая старые долги, другой братец вовсе уехал из города, и что он думает по поводу приезда заказчиков, к делу отношения не имеет. Отец

семейства, мастер Леонард, бдит у ложа скорбной телом супруги — долг мужа превыше всего.

Стоит ли огорчать приехавших грустным видом и вздохами?

Пожалуй, Мускулос сейчас впервые ощутил надежду, что поездка завершится удачно. И зря. Уж кому-кому, а будущему лейб-малефактору, обладателю превосходного «вороньего баньши», полагалось знать: надежды на успех, высказанные вслух или задуманные невпопад, рубят дело под корень куда лучше «дурного глаза».

Костеря себя за невоздержанность, колдун слез на землю.

На запятках кареты, опустив лишние сейчас шесты, гулко чихали капралы, бледные до синевы. Ароматы Красильной слободы чужаков валили с ног, несмотря на близость речки Ляпуни и озера Тайные Уды. Гвардейцы еще держались, памятью о воинской славе предков, но чих одолевал. Вспомнив о своих обязанностях, Андреа трижды с вывертом глянул на каждого охранника через левое плечо; в случае с Тяденом на крыше он чуть не свернул себе шею. Затем сплюнул, топнул по плевку башмаком, — и гвардия радостно задышала.

Завтра надо будет повторить, с утра, иначе обоняние вернется. А самому придется терпеть и этот кошмар. Учитель Просперо перед отъездом намекнул, что шестая часть переплетов за труды

отойдет лично Мускулосу, для персональных трактатов по теормалу, то бишь теории малефициума. Не за песий хвост страдаем, дружище!

Личная библиотека была мечтой колдуна.

В частности, по очень простой причине: аттестат мага высшей квалификации визировался Коллегиумом Волхвования исключительно при наличии у соискателя вышеупомянутой библиотеки.

— Да что ж вы на улице стоите? Позор, срамота на всю Ятрицу!

Хромуша была готова расплакаться.

— Гости мнутя, в дом не идут... Кликнуть папеньку?!

— Извини, Цетинка, — Мускулос ощутил укол совести. — Сейчас...

Он огляделся. Улица пустовала. Наученные опытом, жители Красильной слободы деликатно позволяли заказчикам скрыться во дворе Швеллеров. Разве честная жена или мудрая матушка выпустит сейчас на улицу хоть благоверного муженька, хоть сыночка? Чтоб кровиночка умом рехнулся? Чтоб отхватил по загровку лупильным шестом? А не шестом приласкают, так столичный колдунице испортит рыбоньку: не лезь, куда не зовут! Вон, окна ставенками прикрыли, бабы-умницы...

На углу, под старой акацией, дети игрались в песке. Девочка с косичками поминутно бегала к канаве с ведерком, а два толстых, суровых на вид малыша увлеченно лепили плюшки. Им помогал худосочный парнишка лет семнадцати на вид, по уши изгваздавшись в липком «тесте». Размахивая руками, словно ветряк, он определял место, куда жизненно необходимо поставить очередную плюху. И очень злился, когда дети ошибались. Наверное, местный дурачок. Таких девки вовсе не манят, хоть из Лилля, хоть с горних высей. Расположение плюшек мимоходом заинтересовало Андреа, он даже принялся машинально соединять их воображаемыми линиями, но строго одернул себя. Рухни сейчас своды грота Семи Няnek и выберись на белый свет Ужасное Дитя, сматывать мир в клубок для вязания, — все равно колдуну было бы недосуг заниматься всякими пустяками.

— Гвардия, ко мне!

Капралы встали по бокам кареты. Тьяден спрыгнул с крыши, долго ковырялся ключом в заговоренном замке, наконец, распахнул дверцы. С минуту ничего не происходило, потом на ступеньку опустилась узенькая ножка.

— Я первая!

— Нет, я первая!

— Я самая первая! Самая!

— Ах ты, потаскуха!

— А ты блудня!

— А ты!.. а ты...

— Обе вы дуры, а я первая!

— Держи ее! Гюрзель, хватай за волосы!

Мускулюс вздохнул и пошел на выручку.

Иначе лилльские девицы никогда не выбрались бы из кареты. Нежная голубица, и та озвереет, если в шестнадцать лет тебя продадут невесть куда за тридевять земель: линять. Обычно за месяц до линьки знаменитые уроженки Лилля становились редкостно прожорливы, зато низменные выделения у них прекращались вовсе. Что никак не способствовало улучшению характера.

Будь воля Мускулюса, он бы в жизни не связывался с этими красотками. Но мастер Леонард тоже, пожалуй, не возражал бы провести остаток дней в розарии, а не в вонючих дубильных чанов. У каждой работы свои недостатки. Иные полагают, будто магия вся состоит из прелестей и забав. Ткнешь их рожой в кучу флюидов, когда демон рвется наружу из «Лебединой Песни», или заставишь убирать в клетке за василиском в сезон «петушьей слепоты» — ругаются...

— Милые девицы! Первой выходит Гюрзель. Следом — Химейра. За ней — Эмпруза-младшая...

— Почему?!

— Я первая! Слышали? — я первая!

— А я тебя укушу!..

— Милые девицы! Я сказал: первой выходит Гюрзель...

— А ты, дурак, заткнись!

— Укушу, укушу, укушу...

— Милые девицы! У меня есть большой кнут из воловьей кожи. Обычно я погоняю им лошадей, когда тороплюсь. А сейчас я никуда не тороплюсь. Еще у меня есть трое гвардейцев, способных управляться с кнутом сутки без перерыва. Даже если первую кожу эти грубые люди испортят, меня вполне устроят следующие пять оставшихся кож с каждой из вас. Но я добр и незлопамятен. Итак, первой выходит...

— Слышали, не глухие!

— Откуси себе язык!

— Иди, Гюрзель, пусть тебя кнутом первую...

Бедная хромуша Цетинка с ужасом смотрела на творящееся безобразие. Когда Мускулюс был здесь, сопровождая лейб-малефактора Нексуса, она коротала лето с бабушкой в Пшибечанах и не застала гостей. А более ранние приезды Цетинка, тогда еще дитя, практически не помнила. Ничего, пусть привыкает. Ей с лилльскими проказницами неделю куковать, не меньше. Линька, судя по косвенным признакам, через два-три дня, дальше промывка голя, мездрение, золка, топтание в толчеях и барабанах... Впрочем, после золки можно

уезжать и возвращаться позднее, за готовыми кипами.

Хоть какая-то радость.

Еще колдуна радовало, что соблюдать особые условия договора с Лилльским магистратом и выдавать девиц после линьки замуж в приличные семьи будет уже не он.

Вскоре Гюрзель, Химейра и Эмпруза-младшая с горем пополам выбрались наружу. Хмыкая и стараясь побольнее наступить подруге на пятки, барышни двинулись во двор под конвоем гвардейцев. Седой кот спрыгнул с забора, потерял о ноги Химейры, чем вызвал новый скандал со слезами и проклятиями в адрес «мерзкого зверя». Мускулюс сперва хотел было опять вспомнить про кнут, но котище стал тереться о его ноги, и колдун едва не взвыл. Шерсть мерзавца жесткостью напоминала колючую проволоку.

Рядом счастливо лаял цветастый кобелек. Видать, искренне восхищался проказами товарища.

— Нюшка, цыц! А ты, Косяк, иди в горницу, я тебе молочка дам, со щелочью...

* * *

Покои для девственниц, как условливались заранее, были отведены на втором этаже, в боковом крыле. Здесь происходила линька и в прошлые

разы. Тем не менее, памятуя, что береженого рок бережет, Мускулюс лично проверил запоры, убедился в прочности двойных решеток на окнах. Кузнец постарался на славу, да и каменщик не оплошал. Даже если три девицы соберутся под окном, заманивая прохожих из-за забора, прутьев им не выдрать.

Умница мастер Леонард! Дока по переплетной части!

Охрану Андреа планировал разместить, как обычно: один гвардеец в дозорной камере перед девичьими покоями, другой в коридоре, третий патрулирует снаружи, у ворот и вдоль забора. Спят по очереди — коридорный нужен не всегда, особенно если сам колдун в доме.

Честь по чести, спустя полчаса он вздохнул свободней.

— Прошу мастера Андреа отобедать!

Хозяин к обеду спустился в трапезную. Болезнь супруги — дело грустное, но преломить с гостем хлеб-соль — дело, скажем прямо, святое. Когда Леонард Швеллер обменялся с колдуном тоекратным рукопожатием, Мускулюс тихо крикнул. Хоть и не был обделен силушкой, а все-таки лапа у потомственного кожемяки была исключительная. Окорок с клещами. После такого уважения брать еду трудновато. Заняв место во главе стола, Леонард распорядился, чтобы Цетинка

отнесла харч наверх, «девкам и ихней гвардии», узнал, что дочь озаботилась этим загодя, и степенно кивнул. Был хозяин дороден, пузат, седых волос не стриг, отчего над розовой лысиной клубилось перистое облако. Словно мамкины уси-пуси над нежной попкой младенца. Ел медленно, черпая ложкой гущу со дна горшка. Колдун дважды пытался начать разговор о пустяках, какие прилично вести за столом, и оба раза кожевник ограничивался утробно-басовитым хмыканьем.

Чувствовалось, что здесь он лишь телом, думами же пребывает далеко. Зато хромуша Цетинка, сияя от счастья, готова была хоть трещать без умолку, хоть слушать в три уха.

— Да, моя госпожа, столичные дамы в этом сезоне предпочитают ажурные мантильи из кружев. Представляете: ночь, луна, балкон, и влюбленный кавалер, исполняя серенаду, имеет счастье лицезреть...

— Ой, а у Мятликов теленок с пятью хвостами родился! Дядька Мятлик с горя проигрался в «орлянку» меняле Фраушу, а меняла тайком его долг братьям Коблецам сбагрил, под проценты...

— На летнем Турнире Сонетов бард-изгнанник Томас Биннори поразил всех ценителей. С первых же строк: «Восплачем же о

гибели сонета!..» Его Величество изволили прослезиться...

— А вдовый мясник Клаус взял за себя весталку-расстригу Ханну Уттершайн! У нее на носу родинка, и она гуляет с Милашкой Гонасеком, пока мясник пьет в аустерии...

— Герцог Арнольд приобрел фаворитке малый ковчежец с ногтем Падмехума Дарителя. Сия нетленная реликвия...

Радую девицу общением, к которому Цетинка отнюдь не привыкла, Андреа исподтишка разглядывал хозяина. Ел колдун мало, осторожно, памятуя о желудочных кознях трепангов, — значит, мог отдаться созерцанию.

Увы, за истекшие семь лет Леонард Швеллер сильно сдал.

Раньше, держа семью в кулаке, а кулак кожемяки — история отдельная, к свободе мнений не располагающая, он не позволил бы младшей дочери столько болтать в присутствии родителя. Самодур и деспот, сын самодура и деспота — похоже, что и внук, но Швеллера-деда колдун застал совсем дряхлым, на смертном одре. Что никак не мешало старикану в минуты меланхолии ходить драться с кожедерами-конкурентами. После таких прогулок Швеллеры на некоторое время становились монополистами. Отца Леонард потерял давно — мастера Бьорна, прозванного Мяздрилой,

унес «черный аист», как здесь звали гнилой мор. С тех пор сорокалетний Леонард единолично правил в мастерской и в собственном доме.

Сейчас кожевнику было пятьдесят шесть.

По былым приездам Мускулос помнил, что в присутствии хозяина оба сына, битюг Шишмарь и хитрован Алоиз — а уж тем паче женщины! — прикусывали языки всеми имевшимися в наличии зубами. Шишмарю, по праву наследника, изредка дозволялось вставить словцо-другое, когда папаша делал паузу для клецек. В остальное время мастер Леонард без перерыва бубнил о кипах и чанах, замше и шеврете, курьей шакше и бученье в киселях. Нуждаясь в переплетах, даже такие великие люди, как Просперо Кольраун и Серафим Нексус, благосклонно терпели, пока мастер излагал, смакуя подробности:

— ...Далее, судари мои, сушка отволаживается, мнется на тупом беляке, берется стругом, пушится на беляке остром и катается мерейной доской. Для сообщения же лицу крупной шагрени, скажу я вам, лицо отглаживается стеклом либо камнем...

Настроившись соответствующим образом, сейчас колдун удивлялся молчаливости Леонарда Швеллера. Хворь жены подкосила гиганта? Вряд ли. Жену мастер не жаловал; подай-прими, сходи-принеси. Бывало, что и поколачивал. Этот

бык сидел у постели болящей супруги? «Рядышком», если верить дочери?! И по сей причине не вышел к дорогим гостям, хотя мог потерять крупный заказ?! Легче Мускулюс поверил бы известию о скоропостижном вегетарианстве людоедов гробницы Сен-Сен. Этот тиран допустил наследника Шишмаря в отсутствие родителя «хозяйничать в мастерской», как доложила хромуша, — и не приголубил оплеухой любимую дочь за предерзостные слова?!

Быть не может.

Чудо из чудес.

— Как здоровье вашей драгоценной супруги? — решился Мускулюс.

Мастер Леонард поднял на колдуна взгляд: будто впервые увидел. Глаза у кожевника оказались ясно-голубые. На одутловатом, хмуром лице эти глаза были уместны не более чем пятерня годовалого младенца на лапе кожемяки. Ощущение было пронзительным: будто слепец прозрел, впервые от рождения взглянув на мир. Внезапно Андреа понял, что у Цетинки — отцовы глазки. Только у девушки голубизна была весенняя, ранняя, когда умытое небо глядится в первые подснежники, а у отца взгляд отсвечивал зимним днем, искрами в сугробах, сединой в дальних облаках. Но стоило во взгляде Леонарда, обычно укрытом под косматыми бровями, проявиться

тихой свечечке, как делалось видно с отчетливостью: да, отец и дочь.

Да неужто надо было жене слечь, чтоб у мужа взор умылся?

Или это слезой?...

Колдуну стало неловко. Словно тайком подглядывал за чужим стыдом.

— Спасибо, плохо, — гулко отозвался мастер. — Худо Ясе. Спит все время.

И, перестав жевать, добавил странно:

— Это ничего. Я, что могу, делаю. Это ничего, сударь мой.

Больше, до конца обеда, он не издал ни звука. Если, конечно, не считать чавканья и сопения.

SPATIUM I

СОНЕТ О СОНЕТЕ

**(из сборника «Перекресток» Томаса Биннори,
барда-изгнанника)**

Восплачем же о гибели сонета!

Старик угас, стал дряхлым, впал в маразм;

Мешок костей — верней, костлявых фраз!

Вчерашний день, истертая монета,

Фальшивый чек. Так мертвая планета

Еще летит, но гнусный метастаз
Разъел ей душу. Самый острый глаз
Не различит здесь тень былого света,

Не сыщет жизни: камень, лед и газ,
К дыханью непригодный. О, комета,
И та куда блистательней! Не раз
Мы сокрушались: был сонет — и нету...

Так муравьи, по-своему мудры,
Сокрушены морщинами горы.

САПУТ II

**«Сей град был чуден: скверны зло страшилось
жителей зело, но находило щель...»**

Отобедав, колдун проверил охрану, для надежности подморозил «ледяной дом» и решил совершить легкий променад. Но сначала, укрывшись на заднем дворе и строго велел не нарушать его одиночества, часок пропел в упражненьях.

Со стороны это выглядело дико: раздевшись до пояса, мощный, крепко сбитый мужчина стоял неподвижно, упершись лбом в забор. Живое

олицетворение народной мудрости: «Бодался телок с дубом!» Или, если угодно, пародия на рудденского «Мыслителя», легендарного сторожа адских врат, выставленного для обозрения в публичном вертепе Рудда. Лишь по телу бродила крупная дрожь, оставляя за собой пятна «гусиной кожи»: лодыжки, голени, потом вдруг холка, живот...

Затряслось левое бедро под бархатом штанов, заправленных в чулки.

Вздогнула ягодица.

Пот тек по спине колдуна, соленый, трудовой пот. Если бы случайный чароплет вздумал «облизать» Вышние Эмпиреи над этим районом Ятрицы, он поразился бы тремору маны в центре Красильной слободы. Небось решил бы: коллеги по Высокой Науке дикого грифона живьем свежуют! Школа Нихона Седовласца, к коей имел честь принадлежать Андреа Мускулюс, использовала для волшбы не вульгарную грубость элементалей, не вертлявость ноометров-гармоников, паразитирующих на Пряже Стихий, не заемную дрянь некротов, за которую потом приходится страшно платить Нижней Маме с лихвой. Нет, последователи Нихона отдавали предпочтение использованию честных сил тела, дарованного им при рождении, накапливая ману, как иной атлет

накапливает мощь для поднятия гирь и разрыва цепей.

Пожалуй, любой из нихонианцев мог поднять лошадь. Если бы захотел.

Обычно они не хотели.

Гвоздем преткновения в сем методе была усталость. Атлет после ряда мучительных упражнений — тряпка тряпкой. Он желает лишь одного: поесть и отоспаться. Маг же, напротив, обязан по окончании занятий сделаться куда более могучим, причем незамедлительно. Обрати усталость в бодрость, научись трудить плоть без расхода драгоценной маны, и накопление сил станет чистым, звонким, готовым выплеснуться единой волной. В этом чудесном умении и крылась тайна школы мудрого Нихона, изложенная в секретном трактате «Великая Безделица»: мастерство укреплять тело без лишних обременительных действий.

В идеале вообще без действий, но тут Мускулюсу было далеко до славных мэтров.

Приходилось упираться лбом и потеть.

Закончив обязательную маету, он вздохнул, мечтая о временах, когда освоит «Великую Безделицу» в гамаке или на мягкой кушетке. Обтерся цветастым рушником, припасенным заранее; надел рубаху и куртку. Еще раз вздохнул, закашлявшись от вони едкого пикеля. Этой заразой

здесь, казалось, пропитались даже стручки на скрюченных в три погибели вербах.

— Умыться не желаете, мастер Андреа?

Это Цетинка. Ясен день, подглядывала.

— Спасибо, голубушка. В другой раз.

Ворота скрипнули, распахиваясь. В спину лаял разноцветный кобель Нюшка; в песке под старой акацией по-прежнему копошилась детвора. Конопатая девчонка удрала, на ее место явилась девчонка постарше, с заячьей губой; суровые малыши оставались на посту, геройски лепя изрядно надоевшие плюшки. Парень-дурачок втолковывал им тайны мастерства, поливая «тесто» из ведерка и временами плетя из шпагата «кошачью люльку», чем несказанно радовал товарищей по труду. Под его руководством плюшки расползались от акации к соседним заборам, образуя концентрические круги. Между некоторыми были проложены веточки, тщательно очищенные от коры.

— Красненький! — кричал парень, и «заячья губа» вглядывалась перед собой, пытаясь увидеть обещанную красоту. — Видишь: красненький! Солнышко зажглось! Ну ты же видишь, Агнешка!

— Вижу... — неуверенно кивала «заячья губа». — Солнышко...

— К'асенький! — хором басили малыши.

Что-то в поведении детей неприятно резануло Мускулюса. Да и плюшки, расположенные кругами, раздражали. Колдун велел себе утомониться: не хватало еще, утомясь от посадки, срывать досаду на глупых чадах! Он зашагал прочь, намереваясь свернуть к центру города.

— Доброго пути, мастер Андреа!

Колдун резко обернулся. Парень-дурачок махал ему рукой, скалясь с отменным добродушием. Откуда этот бездельник... Тьфу ты пропасть! Ну конечно, парень слышал, как именовала колдуна Цетинка. Приехали, срывай крышу. С лилльскими барышнями скоро черная желчь разольется. Будешь, брат Мускулюс, на первых встречных кидаться.

До самого моста через Ляпунь колдун шел, дыша по методу успокоения флегмы. Вонь красилен грозила грудной жабой, но сердце успокоилось.

Ну и хвала Вечному Страннику...

Ближайшие пару часов он бродил по городу без определенной цели. Избавиться от девственниц, гвардейцев, кареты и забот, пусть временно, — уже счастье. Такие вещи понимаешь, лишь когда «коза покидает жильё», как загадочно выражался учитель Просперо. Учитель любил загадки, труды по поиску ответов оставляя молодежи.

Мечтательно улыбаясь, Андреа гулял по Конному рынку, зачем-то приценился к мерину лет двенадцати, оранжевой масти, с облезлым хвостом и опухшими бабками, но покупать не стал. Далее, выйдя в сквер Трех Судебных Органов, долго любовался памятником ятрийскому поэту Адальберту Меморандуму, автору поэмы «Вертоград». Закусив длинный бронзовый ус, поэт взирал на город со слезой умиления. Вокруг постамента, завиваясь спиралью вверх, к ногам гения, располагались вольные разбойники, трое беглых драгун с женами, один мрачный борец за независимость, живописная группа участников мятежа Джеккиля Требушатника и дочь короля-чернокнижника Бенциона-Штефана, большая поклонница лирики. У подножия, рассевшись на скамеечках, местные трубадуры за деньги слагали экспромты на заданную тему. Рядом с каждым в рамочке красовалась лицензия на производство экспромтов.

Ближе к яру вагант-нелицензиат, бородатый детина одного с Андреа возраста, бесплатно мурлыкал себе под нос:

Играй словами, сукин сын,
Мечи в зенит! —
Но ближе, ближе псы-часы,
И — извини...

Мускулюс кинул ему монету: украдкой, пока не заметили скверные надзиратели.

Вскоре колдун перебрался в «Волшебный фонарь», где долго любовался мастерством братьев Люмьер: младший вырезал из воценой бумаги фигурки, дуновением понуждая их разыгрывать на белой ширме душеполезные сцены, а старший музицировал на гнутой дудке с клапанами. Позже Мускулюса видели на площади Возвышения: он слушал игру на бомбулюме и монокордиуме, краем глаза следя за установкой огромного шапито. В Ятрицу приехал знаменитый «Цирк Уродов», и музыканты привлекали будущих зрителей.

Афиши цирка украшала лилипутка Зизи, гарцуя на рогатом китоврасе.

На углу площади имелась аустерия «Хромой Мельник», куда Мускулюс и завернул. Над входом в заведение красовалась скульптура, выполненная в полтора человеческих роста: мельник самого бандитского вида, с деревянной ногой, оседлав бочку, блаженно приник к кружке пива. Для пущего смеха ваятель одел мельника в сутану с рюшами, священную одежду Веселых Братьев, чья обитель, как и предписывалось уставом ордена, высилась аккуратно напротив питейно-закусочного дома. Вне сомнения, святые отцы были здесь частыми и желанными гостями: их бдения, заутрени и

всенощные, согласно давним привилегиям, оплачивал державный Цензорат. Выглядел раскрашенный мельник очень натуралистично — в темноте или спяну его часто принимали за живого великана-бражника, очень пугаясь.

Эту аустерию колдун навещал в прошлый приезд. И впечатление сохранил самое положительное.

За минувшее время здесь мало что изменилось. Потолок украсили тележными колесами, чучело Янкеля-Призрака заменили на ростовой портрет императора Пипина Саженого. Добавились два зеркала в прихожей, по бокам гардероба: одно обычное, где отражались люди, еще не утратившие человеческий облик, второе же отражало игисов, спектрумов и прочих ламий, заверни они сюда хлебнуть пивка. Кстати, удобно. При входе и выходе можно лишний раз удостовериться, жив ты или уже не вполне. Главное, спяну зеркала не перепутать. Рядом висела верительная грамота. Пергамент, мелко исписанный вязью каллиграфа, гласил, что в «Хромом Мельнике» правом убежища и беспрепятственного допуска пользуется любое создание, желающее подкрепить Силы телесные и духовные. Лишь бы присутствие и склонности оно не были помехой остальным посетителям.

Выполненный алой тушью постскриптум напоминал: «Клиенты в меню не входят!»

Здесьшний хозяин был большим либералом. Мускулюс подумал, что такой документ при входе превратит аустерию в пустыню, распугав мирных бюргеров. Ничуть не бывало! Аустерия процветала. Первый, «народный» зал оказался набит битком. Гуртовщики-таврогоны в стеганых армяках и штанах с кожаным «седлом»; пьяница-бирюч с длинномерной буциной; троица колпачников с женами-однодневками; офени в крикливых кафтанах «хвост кочета», бортники из окрестных деревень, певички-хохотушки...

Долго рассматривать пеструю публику малефик не стал, сразу пройдя во второй, «чистый» зал. Тут сидел народ посолиднее. Хотя и здесь свободных мест оставалось маловато. Один табурет пустовал за столом, где со скорбью и тщанием надиралась могучая кучка Веселых Братьев. Компанию им составлял румяный широкоплечий простак с бляхой магистрата на груди. Вокруг Братьев и крепыша-простака, осами над разлитым медом, вились Доступные Сестры в глухих, невинно-прозрачных платьях с хвостами леопардов. Хвосты томно извивались: достигалось это с помощью хитроумной шнуровки лиффов.

Братья с надеждой уставились на нового посетителя. Старший даже пустил слезу,

приглашающе махнув рукой, но Мускулюс притворился слепым. Коротать время в тенетах сего ордена — слишком тяжелое испытание для печени, кошелька и желудка. Особенно памятуя о вчерашних трепангах! Закон суров: сел за один стол с Братьями — ешь, пей, гуляй наравне, а плати вдвое. Можешь соблюсти умеренность, но тогда плати вчетверо. А еще на их кислые рожи смотреть...

К счастью, под оливой в горшке обнаружился угловой столик на два места, только что освобожденный клиентами.

Малефик быстро проследовал туда.

* * *

Весть о приезде в Ятрицу столичного колдуна уже распространилась по городу. Буквально через минуту перед Андреа возник хозяин «Хромого Мельника». Он являл собой несомненное сходство со скульптурой над входом, разве что скульптуре недоставало поварского тесака на поясе.

— Счастлив! — сердечным баритоном начал он, сдвигая набекрень головной платок. — Душевно счастлив видеть вас, уважаемый мастер, в моем скромном заведении. Надолго к нам? Что изволите заказать?

Хозяин галантно шаркнул протезом.

— На неделю, может, две. А заказать изволю. Первым делом — кувшинчик тминной с солью. К нему — окуньков, томленных на углях. Крупных, но не слишком жирных. С гранатовым соусом. Еще подайте тонких ржаных хлебцев и запеканку с базиликом.

В рыжих глазах аустатора отразилось сочувствие. Клиент желает тминной с солью и ничего жирного? — значит, мается после чрезмерного усердия. «Ничего, уважаемый! Берем вашу хворь на абордаж! Завтра же будете огурцы с молоком безнаказанно кушать!» — явственно читалось на лице хозяина.

— А скажи-ка, голубчик, — снедаем внезапным любопытством, колдун придержал аустатора за локоть. — Грамота, чудо-зеркало... Не боишься прогореть? Всякий ли захочет со стриксом за общим столом сидеть?!

В ответ хозяин просиял хитрящей улыбкой, сразу сделавшись похож на медный таз.

— Не в обиду будь сказано, мастер колдун... Я вас колдовству учить не возьмусь. Но и вы мне в трактирном деле, простите, не учитель. Где еще почтенный бургер на дикого иггиса взглянуть сможет? А нигде! Кроме как у Джонатана Огорока. Вы уж поверьте, я человек бывалый, в людях толк знаю. Вот и валит ко мне народ. Увидят приезжего незнакомца, ликом бледного, с ногтями

длинными, — потом с месяц по городу разговоров. Я, мол, вчера... в «Хромом Мельнике»!.. рядом сидел!.. И гости вроде вас мимо не проходят. Дома по приезду жене расскажешь, жена три дня муженька голубит. Я с вами, мастер колдун, как на духу, по совести — вы и так зрите в корень, кто есть кто!

Андреа мимо воли расхохотался.

— Зрю, братец. Только я не один зрячий. И не один грамоты между строк читать умею. Коренные инферналы часто наведываются?

Аустатор воровато оглянулся по сторонам. Склонился к самому уху гостя:

— Хвала Вечному Страннику, по сей день никого не видал! Мое дело — напои-накорми, а видеть скрытое не обучены. Вот вы, к примеру, упаси Нижняя Мама... Были бы из этих, так под личиной явились бы! А?!

Хозяин победно воззрился на Мускулюса.

Отпустив аустатора, малефик на всякий случай сощурил «вороний баньши». Вполкапания «вспорол» зал крест-накрест. Обычные люди, пьют-едят, чужой гарью не тянет. Можно расслабиться. Запотевший кувшинчик с тминной, серебряная солонка в форме горного драконца и высокая чарка возникли на столе, как по волшебству. Следом — хлебцы и соусник, остро пахнущий гранатом со специями. Искушение было

велико, и Андреа решил начать «лечение», не дожидаясь окуньков с запеканкой. Наполнил чарку, от души сыпанул туда соли. Размешал пальцем: так полезней. Макнул хлебец в соус. Ну гуляй, мана, без обмана! Морская горечь пополам с огнем ухнула в желудок, гоня прочь козни трепангов.

Главное — не переусердствовать. Знал за собой колдун тайный грех.

— Доброго здоровьица, мастер колдун!

Ширма из кленовой стружки, укрывавшая малый столик неподалеку, раздвинулась. Обрамлен бледно-желтыми локонами — словно щеголь в допотопном парике времен Гренделя Скильдинга! — на Мускулюса пристально смотрел офицер местного ландвера. В руке ландверьер держал кружку горячего, пышущего жаром вина, давая понять, что своим тостом присоединяется к чужой трапезе.

Малефик кисло ответил поклоном: офицер ему не понравился. В столице бытовало презрительное отношение к ландверу, этой самодеятельной милиции округов, в периоды мира более опасной для своего же короля, а в случае войны — чванной и бестолковой. Особенно изощрялись в шуточках над олухами-ландверьерами гвардейцы и кавалерия. Андреа не был ни гвардейцем, ни кавалеристом, но полагал бестактностью лезть с тостами, когда тебя

не просят. Щекастое, рябое лицо офицера выражало живейший интерес к «мастеру колдуну»; казалось, солдафон только и ждет, когда его пригласят за общий стол. Не будучи опытным физиогномом и не желая прибегать к Высокой Науке, Мускулюс тем не менее видел, что интерес ландверьера — козырный. Он чего-то хотел от малефика.

Просто выпивка в новой компании? — ничуть.

Острые глазки буравили намеченную цель, ввинчиваясь к самой сердцевине. Так смотрит столяр на подвернувшееся полено, размышляя: пустить на растопку или выточить марионетку для приятеля-кукольника?!

— Хозяин! Еще тминной нашему почтенному гостю! За мой счет!

— Будет сделано, сударь ланд-майор!

Прежде чем колдун успел отказаться, ширма сомкнулась. Срывать же досаду на аустаторе, который хромал из кухни со вторым кувшинчиком, было нелепо. Не часто ли тебя злость-досада без причины мучит, колдун? Детвора с плюшками, назойливый вояка, хозяин «Хромого Мельника»? В твои-то годы...

Странное дело: мелочь, пустяк, а настроение испорчено безнадежно.

Тут еще Веселые Братья без одобрения косились на Андреа: скупердяй, брезгует

обществом святых отцов! У приор-дьякона Братьев в левом глазу обнаружился характерный прикос, и Мускулюс машинально закрылся ослабленными «Плодами Злонравия». Чароплетов меж Братьями не водилось, но рожи всей компании (включая крепыша из магистрата) были мрачней мрачного.

«Вот ведь люди! И чего им в миру не жилось?!»

Орден Веселых Братьев учредили более трех веков назад, при Фредерике Барбабелле. Вскорости он получил поддержку большинства правящих династий: здесь, по неясной причине, особо постарались духовники августейших супругов. К Братьям приходили адепты Тринадцати Скорбей, отчаявшись слиться с Романтичным Му, аскеты церкви Неукротимого Смирения, возжаждав дополнительных мук, первопроходцы Двух Колец, неофиты Двух Концов и жрецы Срединного Гвоздя, — короче, титаны подвижничества и столпы отрешения, неудовлетворенные духовно.

Они стучались, и им отверзалось.

Хотя не всем.

Кандидата в члены Братства ждал ряд испытаний: на чистоту помыслов, стойкость к соблазнам и крепость телесную. Ибо образ жизни Веселых Братьев мог долго выдержать отнюдь не всякий! Скрипя зубами от отвращения, они поглощали горы жаркого с пряностями; морщась,

как от зубной боли, вливали в себя ведра лучших эмурийских вин; стеная и лия слезы раскаяния, многажды за ночь теряли невинность в объятиях блудниц; и лишь печально крикали, огребая зуботычины во время «стенных» ритуал-побоищ. Тот, кто хоть на миг выказывал малейший намек на удовольствие, получаемое не от утреннего похмелья и саднящих кровоподтеков, а от застолий и ночных оргий, безжалостно изгонялся с позором. В итоге Веселые Братья четвертый век подряд предавались ненавистным разврату и чревоугодию, стоически неся тяжкий груз. Немало из них достигло за это время Горнего Делириума, ускользавшего ранее. Кое-кто после озарения вновь возвращался к былому отшельничеству; иные уходили в мир, узрев в обыденности Янтарную Нить. Редкие гении, если позволяли средства, возобновляли разгульный образ жизни вне ордена — теперь уже в полное свое удовольствие.

Таким способом орден креп год от года.

— ...Вы позволите?

Очнувшись от задумчивости, Мускулюс обнаружил два любопытных факта. Во-первых, ему, оказывается, принесли окуньков и запеканку. Судя по обглоданным костям, пару окуньков он успел благополучно съесть. Во-вторых, над ним горой навис давешний ланд-майор с дымящейся кружкой в деснице. Шуйцей офицер беспардонно оперся о

стол малефика. Пшеничные усы, «завитые винтом», грозно топорщились, обрамляя пористый утес богатыря-носа. Усмехался жесткий рот, а вот глаза-буравчики исподволь продолжали начатую работу, ввинчиваясь глубже, глубже...

Отказать нахалу? Бессмысленно. Этот пес с мертвой хваткой. Будет встречаться на пути раз за разом, пока не добьется своего.

— Присаживайтесь, — откровенно вздохнул Мускулюс. Ландверьер опустил на стул с неожиданной легкостью.

Стул даже не скрипнул.

— Я вижу, сударь офицер, вы не просто желаете выпить для знакомства, — малефик решил брать быка за рога. — Что ж, приступим.

— Вы угадали, мастер колдун. Значит, сразу к делу? Тем лучше. Мое дело — закон и порядок в Ятрице. И, смею вас заверить, справляюсь я с этим неплохо. Иначе, сами понимаете, старину Эрнеста вряд ли оставили бы на второй срок... Но сейчас я в затруднении. Видите вон того мужчину с бляхой магистрата? Что сидит с Братьями?

— Вижу. Вы хотите его арестовать? Вам нужна моя помощь?!

Крепыш как раз опустошал очередной кубок крепкого. По мокрому румянцу его щек градом катились слезы.

— Это Якоб Гонзалка, архивариус ратуши. Два... нет, уже почти три дня назад пропала его дочь. Искра Гонзалка, шести лет от роду. Отец пришел в «Хромой Мельник» напиться с горя.

— Я малефик. Розыск людей вне моей компетенции. Обратитесь к ясновидцам. Закажите легавого волхва из частной службы. Или просто отправьте на поиски патрули с собаками.

— Вы позволите мне закончить?

Сказано было вежливо, но столь твердо, что Андреа на миг смешался. Молча кивнул, налил себе тминной; не глядя, сыпанул соли, разболтал. Выпил без удовольствия, словно Веселый Брат.

— Я забыл представиться. Ланд-майор Эрнест Намюр, из Кошицких Намюров.

— Андреа Мускулюс. Консультант лейб-малефициума.

— Рад знакомству. И заверяю вас, — ландверьер расстегнул верхний крючок мундира, дернул воловьей шеей, — что мы сделали все необходимое. Патрули с лучшими чеширскими хортами, ясновидица... Мэлис очень толковая ведьма! Не чета столичным затейницам, но ей человека найти — что мне кружку пива осушить. Увы, ни малейших следов. Как в воду канула. Впрочем, Ляпунь-водяника Мэлис захомутала: дед клянется, что дно чистое...

С минуту колдун сидел молча, наскоро прикидывая, куда могла подеваться дочка молодого архивариуса. Чтоб ни хорты, ни ведьма, ни героический ландвер... Решила прибиться к цирку? Кочевые шагры сманили? Вряд ли. Сгинула в лесу? Ведьма б почувала, что жизнь пресеклась. Если толковая баба, то и место гибели указала бы. «Малый народец» шалит? От собак они человека укроют, от ясновидицы — никогда... Некромант в Чурих увел, для «Страстей по Вторнику»?! Глупости. Это в сказках некроты детей мешками таскают. Толку их, сопляков, красть, когда на любом невольничьем рынке хоть легион голопузых, бери не хочу... Опять же чужая мана в любом случае след оставит. Если только ведьма не полная дура. Или если она не в сговоре с похитителем.

— Прошу прощения, если чем обижу. — Андреа наклонился к ланд-майору. Вдохнул жаркий запах вина и еще почему-то еловой смолы. — У вас, сударь офицер, в Ятрице поножовщины не случается? На улицах ночью не грабят? С поджогами все в порядке?

— К чему вы клоните, мастер колдун?

— К тому, что пропал один ребенок. Исчезни пять, семь, десять детей, можно было бы грешить на безумца-злоумышленника или обращаться в Надзор Семерых. А так — одно-единственное дитя. Дочь архивариуса. Вы приняли меры, но они

принесли мало пользы. Якоб Гонзалка — ваш близкий друг?

— Нет.

— Родственник?

— Ничуть.

— Сударь офицер, вы понимаете, о чем я?

Ландверьер моргнул бесцветными ресницами. Он вдруг стал прямой-прямой, как флагшток замка, захваченного врагами, но еще ведущего бой на лестницах и галереях. Даже изрядный живот не мешал этой удивительной прямизне. Пальцы наглухо застегнули крючки воротника: медленно, тщательно, выполняя наиважнейшую в данный момент работу. Края, обшитые жестким галуном, врезались в шею. Лицо Эрнеста Намюра налилось кровью. Вдыхая воздух, он слегка храпел: так бывает с людьми, перенесшими сквозное ранение в грудь, когда у них учащается сердцебиение. Ландверьер вдруг показался малефику загнанным, упрямым конем. Впрягся в ворот маслобойки: скрип-скрип, день-год.

— Нет, мастер колдун. Я не понимаю вас. Пропал ребенок. И поножовщина с поджогами никак не отменяют для меня этого факта. Возможно, я старомоден или сентиментален. Извините, что потревожил. Честь имею!

— Обождите...

Движением руки остановив ланд-майора Намюра, колдун подумал, что жизнь в столице накладывает на человека тайное клеймо. Печать зверя. Вот и сейчас: Андреа Мускулюс не испытывал угрызений совести. Не терзался, коря себя за произнесенные слова. Ничуть не бывало. Он никогда не заблуждался насчет своих моральных качеств; не делал этого и теперь. Просто от ландверьера пахло вином и смолой. Просто Якоб Гонзалка, чей румянец не могло погасить даже горе, хлестал кубок за кубком. И галун воротника все туже врезался в жирную, чужую шею, словно удавка.

— Скажите, чего вы ожидали от меня?

Офицер растерялся. Должно быть, он надеялся на этот вопрос с самого начала и все равно был застигнут врасплох.

— Я... я рассчитывал, что вы окажете мне помощь. Поможете отыскать девочку.

— Каким образом?

— Вы дипломированный колдун. Столичная, извините, штучка. Консультант лейб-малефициума, наконец! С вашим даром... Вам наверняка удалось бы почуять то, что ускользнуло от ведьмы.

— Буду с вами откровенен, сударь офицер. Мои способности несколько иного... э-э-э... профиля, нежели бескорыстная помощь. Но — допустим. Допустим даже, что я искренне хочу вам

помочь. И, вопреки желанию, бессилён это сделать. Понимаете?

— Нет. Не понимаю.

Ландверьер брезгливо скривился. Непослушными пальцами принялся вновь расстегивать крючки тугого воротника.

Мускулюс без энтузиазма следил за его манипуляциями. Ситуация все больше напоминала идиотскую балладу халтурщика-трубадура: великий маг инкогнито приезжает в провинциальный городишко, где творятся жуткие похищения и темные злодейства, по улицам табунами бегают страшные тайны, а доблестный воин изнемогает, борясь со злом в одиночку. Одна добрая знакомая малефика очень любила такие баллады, что и послужило причиной расставания.

— Хорошо, я объясню. Вот мы сейчас сидим в «Хромом Мельнике». Пьем, беседуем. Но вы в это время продолжаете отвечать за порядок в Ятрице. Беспокойтесь о пропавшей девочке; небось думаете еще о десятке происшествий мельче рангом, о которых мне знать совершенно ни к чему. Вы заняты делом. Даже сейчас, разговаривая со столичной штучкой без чести и совести. Верно?

— Верно, мастер колдун. В самую точку.

— Так вот, я нахожусь в точно такой же ситуации. Только область моих интересов — иная. А забот, поверьте, ничуть не меньше. Если я хоть

на миг отвлекусь, сосредоточусь на деле, более существенном, чем чарка тминной и беседа с любезным офицером, если увеличу расход маны... Последствия выходят за рамки вашего воображения. Впрочем, если хотите, я могу *махнуться*.

— Навести морок?

— Зачем? Просто вы ненадолго окажетесь в моей шкуре. Со всеми моими заботами, как если бы они были вашими. Желаете рискнуть, сударь?

Он был храбрым человеком.

— Ну, если вы сами предлагаете...

* * *

Разбуди Мускулюса ночью и свяжи ему шесть пальцев из десяти — мануальную фигуру блиц-рецепции он воспроизвел бы, не задумываясь. Это первое, чему учат мудрые наставники своих учеников: «пересаживать белого павиана на чужие плечи». Колдун щелкнул ногтями в волосах, проворно ловя инстант-образ, и зажал верткую добычу в кулаке. Образ жужжал и копошился. Дождавшись, пока инстант закуклится, Андреа легким щелчком отправил его в лоб ланд-майору, аккуратно между жиденькими бровями. Лоб Эрнеста Намюра треснул — разумеется, на астральном уровне! — и ландверьер, охнув, застыл соляным

столбом, словно праведница Гвизарма, оглянувшаяся на Гнилой Сатрапезунд.

Андреа прекрасно знал, что сейчас испытывает офицер.

Мерзлой глыбой пал на плечи тройной «ледяной дом», оплывая свечным огарком под жаром страстей. Давным-давно Шустрая Леди, склонив голову под меч лильского палача, во злобе прокляла барышень Лилля на тыщу лет вперед, и заклятье по сей день не выветрилось. Правда, был здесь и плюс: родинки, бородавки, «винные пятна» и позорные клейма запросто сходили с девиц после линьки... А ведь надо еще скреплять дужки замок-наговоров, не давая им истончаться; приглядывать за гвардейцами-охранниками, вытирать носы «тень-платком», отбивая обоняние; ежесекундно вслушиваться в дрожь дозорной паутины: что линька? не начинается ли?! Ведь, едва придет срок, малефик должен быть рядом. И главное — закупоривать бешеный, сводящий с ума натиск эманации Гюрзели, Химейры и Эмпузы: себя-то не проклясть...

Последние дни колдун напоминал жонглера-виртуоза, держащего в воздухе дюжину разнообразных предметов. Желая приятной минуты, сударь офицер! А ведь я с вами только

мигом поделился. Мигом одним, только мигом одним...

Встряхнувшись, Эрнест Намюр залпом осушил кружку.

Будь там кипяток, не заметил бы.

— Не позавидуешь вам, мастер колдун! — с усилием выдавил он, отдуваясь. Щеки офицера шли пятнами, лоб блестел от капелек пота.

— Теперь понимаете, почему я отказался помочь вам?

— Понимаю.

Унылая пауза висела над столом: лампада темного света.

— Колдовское дело тоже не сахар, — загадочно выразился ланд-майор с видом опытного мага, члена всех Академий от Реттии до Ла-Ланга. — Вам бы, к примеру, в гостинице остановиться, отоспаться... Ан нельзя. При девках состоять надо. Хуже нет, чем при девках состоять: я знаю, я гарем Абд-Ал-оглы из песков Таран-Курт выводил, в Вернскую кампанию... Вонь от наших красилен — дракона валит. И как ваши девки там живут?

— Контракт, — пожал плечами Мускулюс. — Я их потом замуж выдам. В хорошие руки.

— Ну да, ну да... Хорошие руки, они чаще в ежовых рукавицах...

Ланд-майор торопился сменить тему разговора, за что Андреа был ему весьма признателен.

— Кожевники наши пообвыклись в слободе, приняхались. Человек ко всему привыкает. Вон у Швеллера жена который год лежмя лежит. Тоже небось привык. Хотя сдал Леон, сильно сдал. Кремень был мужик: и семью, и хозяйство во фронт строил. Вот так, — Эрнест Намюр продемонстрировал, как именно. Получилось внушительно. — Это, видать, из-за Ядвиги. Кто ж мог знать? Раньше, бывало, и колотил ее, и бранил... А как слегла — поплыл хозяин киселем. Сыну волю дал, дома сиднем сидит... шваль всякую приваживает...

— Давно слегла-то? — осведомился Мускулюс, скорее, для приличия.

Пассаж о «швали» вверг его в недоумение. Обидеться, что ли?!

— Пять лет будет. Лихой годишко выдался, много дряни принес. Ядвигу Швеллер прямо в лесу удар хватил. Ее подруга, Мэлис-ведьма, на закорках до дома волокла. Знахарь бился-бился... Без толку. А лес до следующей осени как поганой метлой вымело: зверье сонное, щеглы каркать вздумали, грибы огромные, да трухлявые... Ягода посохла, погнила. Я с капралом Фюрке сунулся поглядеть: что за напасть такая? И знаете, мастер колдун...

Он развел руками: дескать, рассказал бы, а слов не хватает. На обычную байку история Эрнеста Намюра походила слабо. Малефик ощутил слабый укол интереса.

— Вы позволите? Мне проще взглянуть самому.

Ландверьер задумался. На его месте задумался бы любой: пускать ли в закрома памяти чужого колдуна? Лоб офицера смяли морщины; глазки утонули глубоко-глубоко, посверкивая бисеринами. Мускулюс не мешал, ожидая. Конечно, при необходимости он мог бы, что называется, «взять силой». Но насилие ментального рода пахивало Тихим Трибуналом. Особенно если поводом к расследованию явилась жалоба военного — гвардия или ландвер, это роли не играло. Кроме того, вы никогда не пробовали рыться в чужих тайниках, отыскивая ухоронку, когда дом вокруг горит, в дыму шастают твари, о которых лучше не вспоминать, и взломщик всяким час рискует остаться под дымящимися руинами навсегда? Если не пробовали, то Андреа Мускулюс вам искренне не советует.

— Я доверяю вам, мастер колдун. Смотрите сами.

Малефик был благодарен ландверьеру: интерес одолевал все сильнее, а разрешение собеседника упрощало процедуру.

— Что мне надо сделать?

— Вам, господин ланд-майор, не надо делать ничего. Этим вы меня чрезвычайно обяжете.

— Пить можно?

— Нужно. А теперь помолчите, прошу вас.

Легкими пассами Мускулюс собрал горсть мнемо-флюидов, окружавших Эрнеста Намюра. На ощупь отсеял шелуху, морщась от слабых ожогов: все-таки согласие ланд-майора было не вполне искренним. Остаток выложил на столике в две полоски, мимоходом любясь снежным блеском флюидов. Такой оттенок встречается у людей, мало отягощенных сомнениями и предпочитающих выполнять приказы, нежели командовать. Скрутил из салфетки трубочку; сунув один конец в левую ноздрю, наклонился к столешнице и сделал добрую понюшку. Переждав колючий всплеск судорог, зарядил правую ноздрю.

— Сейчас очень прошу меня не отвлекать, — успел сказать колдун.

Ответа он уже не услышал.

...пахнет прелью. Над головой щебечет иволга. В кустах клещевины, за спиной, возится ланд-капрал Фюрке: капрала тошнит. Взгляд опускается ниже. Хочется зажмуриться. Нет, нельзя. Надо смотреть. Я сказал: смотреть, Намюр! Ты слышишь?! Когда одержимые

Чистыми Тварями взяли в оборот твою роту под Бернской цитаделью, ты ведь смотрел в лицо худшему зрелищу, чем сейчас!

Давай, приятель.

Не отворачивайся.

Тело, до половины утонувшее в палых листьях, скручено из безумных частей. Ладонь младенца. Плечо и часть грудной клетки взрослого мужчины. Редкие седые кудри старика падают на исклеванные птицами нежные щеки юноши. Правая щека старше левой: там пробивается редкая бородка. Ноги разного возраста: одной лет пять, другой все тридцать. Волосатый живот зрелого человека, но гениталии под животом — невинного ребенка. Поодаль лежит второй труп. Точно такой же, но над ним больше поработали лесные падалыщики. Это его увидел капрал Фюрке, после чего стал бесполезным для поисков и расследования. А ты все смотришь, хотя толку в этом мало.

И еще: запах.

Нет, не вонь мертвечины — это ты бы счел сейчас благом, ароматом духов Крошки Жаклин.

Пожалуй, так пахнет гниющая судьба.

Странная мысль. Но понять ее исток не получается: почти сразу ты ныряешь в кусты и, мучительно кашляя, присоединяешься к Фюрке.

Стоит ли говорить, что все удовольствие от ужина было отравлено напрочь? Даже вчерашние гады-трепанги опять встали поперек горла. Бледный до синевы, Мускулюс быстро плеснул в чарку, залпом выпил.

Повторил без перерыва.

Когда Просперо Кольраун демонстрировал ученикам последствия запретных опытов на стыке дэвгеники и «*magia nigra*», например результат случки лягушки, гороха и инкуба, — это было куда менее противно.

— Да, вы видели. Теперь я понимаю, мастер колдун: вы действительно видели.

Ландверьер с сочувствием следил за действиями малефика.

— Вам ясно, почему я не стал тащить эту пакость в город? Мы с Фюрке зарыли тела у Юстовых оврагов. Капрал молчун, на него можно положиться. Опытного мага в Ятрице нет, вызывать волшебника из столицы — лишние хлопоты. Пойдут слухи, гуртовщики станут гонять стада в обход, купцы объявят бойкот ярмарке... Вы будете смеяться, мастер колдун, но я люблю этот город. Этот маленький, сонный, славный город. Я счел за благо промолчать. И пять лет уверял себя, что поступил верно. Особенно когда той же зимой явились каземат-сыскари из столицы. Правда, по совсем другому делу.

Сперва Андреа решил, что ослышался.

— Сыскари? Это был листвянчик-месяц, пять лет тому назад?!

— Да. А что?

— Начало месяца? Середина?!

— По-моему, третья декада. Вам дурно, мастер колдун?

— Нет, — ответил Андреа Мускулюс. — Все в порядке. Давайте еще выпьем?

SPATIUM II

Дикая Охота, или мемуары Андреа Мускулюса, колдуна и малефика (листвянчик-месяц, пять лет тому назад)

Волшебника не удивишь чудом.

Но это было именно чудом из чудес.

В прошлый вторник престарелый лейб-малефактор Серафим Нексус лично представил Его Величеству верноподданного колдуна Андреа Мускулюса.

Последний впервые удостоивался аудиенции у августейшей особы и волновался, как девица перед брачными гонками. Однако, хвала Вечному Страннику, все прошло гладко. Король пребывал в благосклонном расположении духа,

лейб-малефактор открыто покровительствовал «даровитому отроку, без пяти минут магистру»; да и сам Мускулюс, простив старцу легкомысленного «отрока», был в ударе. Кланялся с изяществом, ел ножом и вилкой. Говорил как по-писаному, без срамных идиом простонародья, и исключительно вовремя: то есть когда к нему обращались. В паузах же молчал с благоговением. В итоге Эдвард II дал высочайшее распоряжение оформить колдуну патент члена королевской свиты. Сперва на сезон предстоящей охоты в Бреннских лесах, а там — как получится.

— В каком, позвольте спросить, качестве? — кланяясь, осведомился писец-куратор из Канцелярии Патентов, дотошный и въедливый, как жучок-древоточец. Сизые щеки писца обвисли скорбными брылями в предчувствии работы. — Ранг? Звание? Жалованье казенное или на свой кошт?

— Стар я стал, — невпопад раскашлялся Серафим Нексус. — Подагра замучила. И седалищный нерв ущемлен гораздо. Тяжко мне по охотам гарцевать...

Эдвард II лукаво, с пониманием кивнул:

— Оформляйте на казну. В качестве, значит, действующего консультанта лейб-малефициума.

Король задумался и, лучезарно улыбнувшись, добавил:

— С испытательным сроком. Серафим, не ревнуй, сам ведь рекомендовал...

Просперо Кольраун на этот раз надеялся отсидеться дома: любые поездки, а охоту в особенности, боевой маг почитал напрасной тратой сил телесных. К своим телесным силам он относился исключительно бережно. «Охота пуще неволи!» — жаловался маг домочадцам. Однако придворный волхв-люминосернер накануне отъезда, обкурившись сморчками, кликушествовал не к добру. Пророчил «дорогу дальнюю, казенный дом», с отягчающими обстоятельствами. Королеву схватила мигрень, инфанты рыдали, обнимая отцовские сапоги, — короче, для успокоения династии пришлось-таки Кольрауну сопровождать Его Величество. Скрипя сердцем, сапогами, рессорами кареты и пружинами новомодного сиденья, Просперо с величайшей неохотой последовал за владыкой.

Консультанту лейб-малефициума, увы, места в карете не полагалось, так что Мускулнос поехал верхом на казенной кобыле.

Охотничий лагерь напоминал растревоженный муравейник с редкомерно бестолковыми муравьями. Слуги, ловчие, конюшие, доезжачие, стремянные, посошковые, егеря, псаря, повара с поварятами, дамы скверного поведения... Казалось, что за королем увязалось полстолицы.

Причем именно та половина, которая была меньше всего приспособлена к походной жизни. Хорошо хоть загонщики успели покинуть лагерь. С тазами, гонгами и колотушками они еще затемно отправились в чащу — и сейчас, как доложил премьер-ловчий, «рады гнать».

После легкого десерта, затянувшегося часа на три, свита погрузилась в седла, готовясь сопровождать повелителя.

Андреа Мускулюс ограничил завтрак древесными устрицами, бриошью «Dofine» и глотком белого с тмином. В освободившееся время он успел трижды «обнюхать» сбрую, снаряжение и окрестный Филькин Бор на предмет вредоносных флюидов, порчи и засад бунтовщиков. Последнее, конечно же, было излишним. Присутствие в лагере Просперо Кольрауна, боевого мага трона, и отряда лейб-стражи во главе с капитаном Рудольфом Штернбладом — все это делало рвение молодого колдуна пустой тратой маны. Политическая обстановка в государстве также не сулила сюрпризов. Дворцовые прогносты из академии «Златой Кочет», все как один, клялись головой, что сословия благоденствуют, завистники бессильно скрежещут, а многочисленные бастарды доброй волей подписали отказ от претензий на престол Реттии.

Однако Андреа привык скрупулезно относиться к своим обязанностям. Из-за чего, в значительной степени, лейб-малефактор и положил на него глаз. Но положил совсем не так, как делал это в иных случаях. Доброжелательно, можно сказать, положил. Испросив предварительно дозволения у «коллеги Просперо», перед отъездом охотников из столицы:

— Вы не против, дорогой друг?

— Разумеется, дорогой друг!

— А что, дорогой друг, скажет на этот счет ваш протеже?

— А кто его, дорогой друг, станет спрашивать?

Кстати, Просперо Кольраун с утра тоже положил глаз на ученика. В прямом смысле слова: вызвал малую главовертку, скрутил с ее помощью «Рябую Зеницу» и укрепил на лбу у Мускулюса. Теперь боевой маг имел возможность следить за охотой, не покидая лагеря. Лично скакать по лесу, тратя на это драгоценные силы, Кольраун явно не собирался.

Шелковый гамак, на взгляд победителя Септаграммы Легатов и ужаса Чистых Тварей, много лучше подходил для защиты августейшей особы.

За эти дни Андреа слегка привык к придворному бедламу. Обучился напускать на себя

мрачно-демонический вид, подобающий колдуну на государственной службе. Личина помогала скрыть постыдные для истинного малефика чувства: гордость и волнение преследовали Мускулюса с момента аудиенции. Вот и сейчас он искренне надеялся, что выглядит солиднее, чем виц-барон Борнеус с сыновьями. Устроители охоты, на чьих землях Эдвард II собирался травить косуль и брать лис на рогатину, мало что не лопались от чванства. Между прочим, король охотился в здешнем виц-баронстве едва ли не каждую осень. Могли бы и привыкнуть. Или это они перед столичной знатью гонор показывают? Мол, к нам Его Величество в гости наведывается, а вас к себе, лизоблюды, колокольчиком вызывает! Складывалось впечатление, что тщеславие, вставив соломинку в нужное место, раздувает камзолы и штаны Борнеусов до неприличной ширины. А гордыня натирает щеки свеклой, окрашивая трехдневную щетину в пурпур румянца.

Нет-нет, Андреа Мускулюс ничуть не походил на благородных мужланов! А что куртка тесновата — так это не от чванства, а от хорошо развитой мускулатуры, отличавшей всех магов школы Нихона Седовласца. В плане крепости телесной Мускулюс, оправдывая фамилию, старался не отстать от наставника Просперо, весь досуг отдавая сублимации маны в мышцах, связках и сухожилиях.

Отстать, разумеется, отстал, но в целом преуспел.

Бу-у-у-у!!!

Рога взвыли белугой. Колдун поморщился, ковырнул пальцем в ухе. Взгромоздился на кобылу, удрученную общим безумием.

И — понеслась охота! Быстрой рысью, по лесу. Дубняк, березняк, ельник. Вязы по бокам от почтения горбятся, ломают шапку крон. Клены дорогу уступают. Солнце сквозь листву — зелень, золото! — подмигивает, слепит. Из-под копыт — прелая листва клочьями. Отовсюду — глухой топот. Это земля со страху трясется. Сам король со свитой скачет! Понимать надо! Впереди, издалека — крики да трещотки. Это загонщики жалованье отрабатывают. Все идет как надо. Все как надо скачет, мелькает, трясется, гонит и ловит. А все равно старается Андреа, действующий консультант лейб-малефициума с испытательным сроком, Его Величество из виду не выпускать. Молодо-зелено, за каждым кустом вражьи некроты с заговорщиками мерещатся. Хорошо кобыла ученая. Идет ровно, умница, под ветки седока не подставляет и за монаршим скакуном поспекает.

Приглянулся кобылке лихой жеребец.

И все равно казус случился! Седло на лихом, значит, жеребце набок поехало. Кувыркнулись Его Величество прямиком под копыта виц-баронскому

гнедому. Но тут уж надо отдать должное Борнеусу: на скаку коня осадил. В локте от августейшего темечка копыто в землю ударило! Не эту ли беду зануда-люминосернер пророчил? Ладно, обошлось, оглянулась Нижняя Мама. Король даже взбодрился слегка, просиял лицом, а потому из-за лопнувшей подпруги гневаться раздумал. Седло заменили — нашлась у конюшего запаска, как чуял! — и дальше поскакали.

Только с этого момента вся охота наперекосяк пошла.

Дикая стала.

Первым делом с дичью чепуха сотворилась. Ждали, значит, ланей, а из перелеска — треск-грохот! Словно не лань трепетная, а броневой гад несвезлох через бурелом прет. Если да, то беда. Несвезлоха и бранной волшбой не очень-то остановишь. Мотает, гад, мордой и лезет. А стрелы от него рикошетят.

— Копье! — велел король, осаживая жеребца. — Заговоренное!

Лицом же просиял вдвое. Когда еще такая забава случится?!

И едва из зарослей обдерихи вылетел на охотников матерый хрыч, едва повел глазом, до краев налитым кровавым свинством, — всадил Его Величество зверю копьецо прямиком за левое ухо. Там у щеголей перо с берета свешивается, а у

хрычей уязвимое место таится. Если, конечно, желаешь бить наповал, не портя зверю шкуры, а себе — жизни.

— Отменно! — с уважением хрюкнул виц-барон, знаток хавроньей потехи. — С почином, государь!

Андреа мутило от восторга и запоздалого страха. Он тревожно переводил взгляд с невозмутимого короля на поверженного зверя — и обратно. Грязно-желтые клыки, щетина на загривке, кружевной воротник... Повезло! А ведь опоздай егерь вовремя подать государю копьё, почин мог бы и по-другому сложиться. Тревога одолевала колдуна. Неясная, смутная, не имеющая под собой ни малейших оснований — самолично лес «обнюхивал»! — и все-таки...

Не случилось.

Но *могло* случиться...

— Нижайшие поздравления!

— Великолепный трофей!

— Повелитель людей над владыкой леса!..

Четверку слуг мигом отрядили тащить добычу в лагерь — двое бы надорвались. Охотники едва успели взгромоздиться и седла, как из чащи валом повалило самое разнообразное зверье. «А ведь загонщики еще далеко», — отметил Мускулюс. Но ему тут же стало не до размышлений, ибо началась форменная неразбериха. Отовсюду в беспорядке

летели стрелы, дротики и крепкое словцо; лани, серны, яки и кодыяки бросались прямо под копыта лошадей, смешались в кучу звери, люди; крики, топот, ржанье, визг, молодецкий посвист. Из густого тамаринда, воя по-зимнему, вывернулась чета волков: серо-рыжих с подпалинами. Юный виц-баронет взмахнул метательным серпом, лошадь под азартным молодчиком заплясала...

Мускулюс совершенно отчетливо связал в уме зубчатое острие серпа и монаршую спину, благослови ее Вечный Странник! В животе плеснул ледяной родник, взгляд остекленел, наливаясь дурной силой. Глазить оружие влет — занятие не для слабых сердцем... Ф-фух, успел! Заодно и волчине досталось от сглаза: отрубил лохматый хвост. Зато Эдвард II невредим!

Опять случайность?!

Ноздри до боли, до ожога втягивали острый, пряный аромат леса. Нет, злыми чарами не пахло. В дебрях на северо-востоке тянуло легкой гарью: там творилась некая волшба, но расход маны никак не был направлен на Его Величество. Андреа проверил раз, другой. Пахло защитой, ограждением; припахивало гнильцой мучений. Возможно, деревенская ведьма обалдень-траву силком добывает. Или бродячий кобник вяжет щеглов-синиц «Сетью Диделя». Отчего же...

В следующий миг «Рябая Зеница» на лбу болезненно дернулась. Взрыв над головой малефика, она вспыхнула малым солнцем, стремительно разрастаясь и делаясь видимой. Из чрева новорожденного светила всплыл радужный пузырь-гигант локтей пяти в поперечнике. Внутри пузыря угадывалась могучая фигура Просперо Кольрауна. Рапид-трансмутация «Рябой Зеницы» в двусторонний обсерватор — о таком Мускулос до сего дня только слышал, но видеть воочию сподобился впервые!

— Живо! Норд-норд-ост! — для верности боевой маг троив указал рукой направление, что мгновенно убедило колдуна в серьезности положения. Если Просперо лишний раз задвигался, значит, дела хуже некуда. — Порча, сглаз, бледная немочь, «черный день»! Шевелись!

И, видя, как Андреа расправляет плечи, готовясь к громоздкому концепт-заклятью, рявкнул на ученика:

— Некогда! Глазь по площадям!

Выкрикивая указания, Кольраун производил руками необходимые пассы, готовясь обрушить на таинственных злоумышленников всю мощь боевой магии.

Радость понимания сделала разум оглушительно-звонким, будто удар в литавры над ухом спящего. Все разом обрело смысл.

Подозрения оправдались: случайности вовсе не случайности! О счастье! Это самое настоящее покушение! И сейчас они с учителем должны отразить вражьи козни. Спасти короля, не дать обезглавить Реттию... В самом низу живота начался весенний ледоход. Наполняя колючим морозцем пустоту рассудка, взламывая запасы маны: сперва в мышцах спины и ягодиц, дальше — в плечах и шее. Взгляд завьюжила пурга, превращая глаза в хрустальные линзы. «Вороний баньши» беззвучно разразился надсадным граем, прежде чем началось извержение порчи.

Консультант лейб-малефициума, что называется, крыл углом, не заботясь о последствиях.

А следом, по сглаженному пространству Филькина Бора, стачивая острие маны на злополучный норд-норд-ост, ударил Просперо. Сейчас учитель с учеником выжимали себя, как босые пятки девиц выжимают виноград в давилных чанах, с веселым остервенением выкладываясь без остатка в считанные мгновенья. Для ценителей, окажись они на свою голову в эпицентре схватки, это было бы праздником Высокой Науки. Даже если ценители потом не смогли бы никому рассказать о впечатлениях.

Вот только виц-барон с сыновьями повели себя странно. Наверное, потому что не были

ценителями. Один из баронетов, бормоча вульгарную чушь, каковую, очевидно, полагал заклятьями от сглаза, швырнул в обсерватор булавой. Разумеется, ни рапид-трансмутанту, ни ложному облику Просперо, бушевавшему там, булава вреда не причинила. Зато, пролетев сквозь личину, угодила точнехонько по затылку флаг-доезжачему, обеспечив последнему длительный отдых в кустах чемерицы. Результат привел баронета во гнев, и дородный юнец обнажил вторую булаву, полон решимости поразить-таки «летучую пакость».

Боевого мага он явно не узнал.

Тем временем виц-барон дал шпоры своему гнедому, бросив коня напрямик к Его Величеству. Неизвестно, каковы были намерения Борнеуса, но капитан лейб-стражи Рудольф Штернблад никогда не считал себя докой по части сердечных мотивов и побуждений. Души прекрасные порывы — дело частных психей-наемниц. А капитан считался человеком действия, причем действия узконаправленного. В связи с чем и принял меры.

Короче, до Эдварда II виц-барон не доскакал. И гнедой не доскакал тоже.

Да и баронет-метатель надолго угомонился.

Старший сынок Борнеуса в это время рубил секирой беззащитного Андреа Мускулюса, занятого малефициумом во спасение короны. К счастью,

секира увязла в дубовой ветке, а баронета оглушили и связали егеря.

— Руди, забирай величество! В лагерь, все в лагерь! — давясь хрипом, успел крикнуть Просперо. Через секунду радужный пузырь растаял в воздухе. Зрелище, надо заметить, прелестное, но Мускулюс его не видел. Без сил, временно ослепнув, колдун валился с лошади.

Спасибо кому-то: поймали.

В столицу возвращались галопом. На этот раз для Мускулюса нашлось место в карете: Его Величество лично распорядились! Иначе остался бы консультант лейб-малефициума в Филькином Бору на весь испытательный срок. Экстрим-сброс маны даром не проходит. А для адепта школы Нихона Седовласца оборачивается жесточайшим расслаблением членов на сутки и более, которое сменяется периодом упадка сил. Как после народной реттйской игры «колья-на-измолот», где игроки молотят друг дружку кольями, брезгуя защитой: кто, значит, быстрее свалится.

Надо сказать, что Просперо Кольраун был достойной парой ученику, кряхтя и охая.

На обратном пути не обошлось без горсти мелких пакостей. Колесо у кареты отвалилось, слуга по дурости в костер «горючих слезок» вместо дров подбросил, повар ошпарился и выражался такими словами, что имей он хоть каплю маны...

Однако мало-помалу неприятности сошли на нет и заглохли без серьезных последствий. Словно гадкий уксус, щедро вылитый на короля со свитой, постепенно выдохся.

Мускулюс диву давался. Он готов был поклясться головой, что никакой вред-волшбой в лесу не пахло! А тем паче «заточенной» на подрыв трона Реттии. Подпруга лопнула, рука дрогнула, серп метательный мимо пошел, хрыч-секач невпопад из кустов выломился... Не колдовством, значит, а естеством: не пахнет, не жжется, а вся дрянь как бы сама собой творится. Устроить жертве целый букет гадостей — это опытному малефику раз плюнуть, два топнуть. Только вот беда: коллега-чароплет непременно чужую ману учует! Может ли пес помочиться, чтоб другой кобель не унюхал?!

То-то и оно...

По возвращении в столицу Департамент Монаршей Безопасности без отлагательств предпринял расследование. Отправили в Филькин Бор взвод опытных каземат-сыскарей для следственного эксперимента. К сожалению, из-за разлива Ляпуни оные служащие добрались до места происшествия лишь зимой, когда река замерзла. В столицу они вернулись ближе к весне, и их отчет отличался противоречивостью. Семейку Борнеусов, ожидавшую возвращения дозначников в номерах

казенной темницы, подвергли допросу — под пыткой выяснив их благие намерения. Спасали, дескать, Его Величество, клали голову на алтарь отечества. Господина Кольрауна в шаре никак не узнали, сочтя злобным демоном по виду и действиям. Гнедого гнали исключительно на подмогу августейшей особе, ибо колдун глазил. Вскоре следствие было прекращено, виц-барона с сыновьями выпустили из темницы с почестями, принеся публичные извинения, и высочайше наградили Орденом Нечаянной Доблести, специально учрежденным по такому случаю.

А колдуну Андреа Мускулюсу зачли испытательный срок.

С благодарностью перед всем лейб-малефициумом.

Мускулюс не знал, что накануне оправдательного приговора в королевской спальне обнаружилась непонятно как туда попавшая депеша от печально известного Совета Бескорыстных Заговорщиков. Извиняясь за неудавшееся покушение, СоБез заверял, что отныне Эдвард Реттийский внесен в список неприкосновенных для покушений лиц. Впрочем, колдун не знал об этом и сейчас, а значит, подобные сведения выходят за рамки воспоминаний Андреа Мускулюса.

Это так, к слову.

САРУТ III

**«Казалось, древние волхвы, провозгласив:
«Идём на вы!», солгали колдуну...»**

Ой, что за сударь к нам пожаловал? Ай, тяжело сударю идти! Уй, кошель к земле тянет? Эй, Тацит с Ощипом спешат на помощь! Сей минут облегчим бедного сударя...

— Уймись, Тацит. Это малефик из столицы. Нагрузившись, — мрачно уведомил добрых людей служка, выделенный Мускулюсу в провожатые.

— Ась?!

Приятель разговорчивого Тацита явно услышал незнакомое слово. И, скорее всего, принял его за ругательство. Зато живчик Тацит оказался куда более эрудированным:

— Ах, это же совсем другое дело! Ух, что ж ты сразу не сказал?! Эх, проводим сударя! Не ровен час, пристанет шелупонь стоеросовая, а на всяк чих не наглазишься! Да и зачем ману на шантрапу тратить, когда Тацит Горлопан завсегда с радостью? Идемте, сударь малефик, гоните прочь тугу-беду...

До тупого Ощипа наконец дошло, с кем они имеют дело. Богатырь заторопился поддержать напарника:

— Дык эта... оно самое! Сопроводим...

— Судари малефики, — втолковывал ему подельник уже на ходу, — они, почитай, святые! У святых, Курий ты Ощип, все проклятия завсегда сбываются. И у сударей малефиков тоже. Таким приятным сударям грех не помочь...

Сам Андреа в увлекательной беседе участия не принимал. Лишь отметил мимоходом: «Гляди-ка! Молодец ланд-майор! У них тут грабители, и те вежливые...» Голова колдуна была занята совсем другим: ей приходилось руководить саботажниками-ногами. Толстопятые бездельники, браня тротуар, пьяный в свинячью сиську, норовили уйти в отпуск до утра. Еще в аустерии малефик привычным усилием перевел весь необходимый расход маны в область амбит-контроля, и теперь в мозгу вертелся расписной кубарь.

От красочных пятен едко несло тревогой.

Вонь Красильной слободы, встающей из-за Ляпуни, была не в пример симпатичнее.

После тварей, обнаруженных в закромах памяти Эрнеста Намюра, жизненно требовалось выпить с достоинством. Ландверьер не преминул составить компанию в этом благородном деле. Позже за их стол подсел нахальный старикашка, притащив с собой табурет, поднос, где красовалось вульгарное консоме с профитролями, кубок и

кувшин имбирного пива. Андреа измучился в догадках: как все это уместилось в руках старикашки за один раз?! Отвесив поклон «милейшему сударю Андреа» (уже весь город в курсе, что ли?!), старик вслух озаботился «здравием Просперо Кольрауна, светоча Высокой Науки». Мускулюс и глазом моргнуть не успел, как оказалось, что они со старцем горячо спорят о прогностицизме 8-й теории Матиаса Кручека, приват-демонолога Реттийского Универмага. Теория была, мягко говоря, спорной, но старик придерживался радикальных взглядов. Отметая контраргументы Мускулюса, он кипятился, брызжа пивом, и яростно стряхивал крошки с бороды на плащ, в который все время кутался.

Мерзнет дедуля?

Кстати, плащ был из дорогих, с кружевами, хлястиком и багряным подбоем.

— Известно ли вам, милейший сударь, что не только сама 8-я теория гениального Кручека, но и часть специальных следствий из нее успели получить блестящее экспериментальное подтверждение?!

— Позвольте полюбопытствовать, какое именно?!

— К сожалению, обретаясь в провинции, я ограничен в аргументах. И лишен возможности распространяться о частных опытах, проведенных

Матиасом Великолепным совместно с Фортунатом Цвяхом, лучшим венатором королевства! Но уж поверьте на слово...

Наверняка ланд-майор немало подивился бы столь ученому спору в стенах «Хромого Мельника» — если бы не полудюжинная кружка глинтвейна, доблестно приконченная воякой. А поскольку глинтвейн офицер предпочитал с ромом, то вместо удивления Эрнест Намюр принимал в диспуте самое деятельное участие. Проблемы демонологии его живо интересовали: выйдя в отставку, он собрался возвести теплицу и посвятить досуг разведению экзотических инферналов.

Эти в высшей степени разумные планы посетили Намюра прямо сейчас.

Дальше разговор вполне логично перекинулся на частные решения уравнений Люфта-Гонзалеса, раздел «Левитация крупных предметов». Тут старик изумил Мускулюса, выдав оригинальное, а главное, крайне изящное решение классической задачи «Гора идет к малефику». Главное условие — верный подбор магов. Понадобятся всего трое: геомант-подвижник, собственно левитатор и волхв-аччендарий. Интерференция потоков маны, создание «стоячих» эфирных волн...

— Ловко!

Ланд-майор строевым басом поддержал коллег, отдав воинский салют. Под его мощной

дланью чарка колдуна тоже решила принять наглядное участие в диспуте о левитации. Пока малефик, согнувшись в три погибели, искал эту, самую необходимую в мире вещь под соседним столом, старикашка вздумал распрощаться.

— До свиданьица, мастер Андреа. Благодарю за приятную беседу. Обязательно передавайте привет высокомудруму Кольрауну. Искренне надеюсь, что его опыты с каскадными пироглобулами увенчались успехом.

— От кого привет-то передавать? — воззвал колдун из-под стола.

Однако плащ старика лишь мелькнул в дверях «чистой» залы. Прыткий дед попался, храни его Добряк Сусун! Внезапно осведомленность дедушки воссияла в крайне подозрительном свете. В курсе опытов Просперо, приветы передает, силен в теории...

Мускулюс изрядно укорил себя за потерю бдительности.

— Эрни, я мигом!

В «народном» зале старика не оказалось. Мускулюс сунулся на улицу. Однако и здесь его ждала неудача. Разве что откуда-то сбоку вывернулась смазливая баба из породы милых вдовушек, решительно волоча за руку белобрысого сорванца. Мальчишка, одетый в тряпье, показал колдуну язык. Мамаша угостила сыночка

затрещиной; из-под мышки у бабы вывалился сверток, откуда свисал кружевной хвост. Подхватив имущество, баба уволокла пацана дальше.

Колдун с трудом прищурился вослед. Нет, не личина. Обычный мальчишка, обычная баба. Вернувшись ни с чем, Андреа заявил, что больше пить не станет. Напротив, с завтрашнего утра подастся в аскеты.

— Завтра? — усомнился ландверьер. — Завтра в аустерии рыбный день...

Договорились, что в аскеты пойдут оба, но со следующего месяца.

Когда колдун расплачивался, аустатор прямо-таки силком всучивал ему служку-проводятого. Мускулюс знал, что хозяин прав, однако благодарил и отказывался с ослиным упрямством. От назойливой опеки он отделался, стремительно двинувшись к выходу: одноногий хозяин за ним не поспевал.

В фойе, перед вторым зеркалом, прихорашивалась чудненькая суккубара в сильно декольтированном платье. Атлас цвета, известного в Реттии как «бирюза соблазна», страстно подчеркивал умопомрачительные формы. Пьяный, трезвый, судьбой ударенный, Андреа ошибиться не мог. Суккубара. Самая настоящая; пробы негде ставить. Вернуться, набить аустатору морду за вранье? Эманации демоницы были сродни

исходящим от Гюрзели, Химейры и Эмпузы — только тоньше, с отчетливой аспидной полосой на краю спектра. Впрочем, суккубара не выглядела опасной. Ну вылюбит за ночь пару-тройку бедолаг до полной нестоячки на неделю вперед. Ну получают ходоки от жен на орехи. Летальный исход исключается, а надзор за нравственностью в Ятрице — дело десятое. Пусть Эрнест Намюр встает грудью на защиту земляков и гостей города. А Андреа Мускулюс спать пойдет.

— В одиночестве? — игриво спросила суккубара, уловив ключевую мысль: «спать».

Рядом с дамой вертелся карлик-грум, в чалме, шароварах и туфлях-лодочках богатырского размера. Ни в одном из зеркал карлик не отражался.

Малефик подмигнул «вороньим баньши», галантно раскланялся с суккубарой и нетвердой походкой вышел на площадь. Тут его вновь нагнал хозяин со служкой. На этот раз Мускулюс согласился без споров и двинулся к дому Швеллеров по штормящим мостовым Ятрицы.

Где-то в ночи, под молчаливой громадой памятника, хрипло пел вагант без лицензии:

Виски покрыты серебром.

Краса? Уродство?

Зло состязается с добром

За первородство.

Ох, скоро на меня, козла,
Не хватит ни добра, ни зла...

* * *

— М-мать!..

Помянув таким образом Нижнюю Маму и всю кротость ее, колдун еще долго прыгал на одной ноге.

Препятствием, о которое он расшиб любимый левый мизинец, оказалась одна из чудесных плюшек, в изобилии усыпавших улицу. Словно отпрыски кочевой погань-грибницы, за день плюхи затвердели, обретя твердость гранита. Из таких, тля бесхвостая, редуты возводить! Ребятишек давно кликнули спать родители, но плоды детского творчества широко раскинулись от старой акации до тупика Тухлых Фонарей. Молодой глупый месяц набычился, ткнув вниз рогом, и колдун неожиданно для самого себя присел на корточки, вглядываясь в «темя» коварной плюшки. Звездная пыль, искрясь повсюду, облегчала задачу. Разбирая чудные знаки, выцарапанные на плюшке, Мускулос озадаченно чесал в затылке: эдакой азбуки он никогда не встречал.

А для каракуль малышни знаки были слишком... разумные, что ли?

Хохолковое письмо Южных Цапов? Вряд ли. За такое издевательство над «шибеницей», коронкой над твердым «Х», Цапы взяли бы с писца-неумехи страдательный залог с процентами. Пиктоглифы долины Сет-Рабби? Там пишут справа налево, а здесь, судя по наклону... Клинопись вегетов-каннибалов? Нет, вегеты клин клином вышибают, у них скругления вне закона... Тайный язык зомбийцев? Каллиграф-школа «Пьяный мастер Ё»?!

Забыв об ушибленной ноге, разом протрезвев, Андреа принялся нервно расхаживать между плюшками. Хорошо, что «свита» оставила его на мосту через Ляпунь, кашляя и желая счастливого пути. Не хватало еще свидетелей! Сердце звенело тревогой: в расположении твердых зернистых башенок была *система*. Несомненная, отчетливая система, но собранная из безумных, плохо стыкующихся частей. Так глупец-мортанатом на ночном поле брани собирает из останков солдат — Абсолютного Воина, получая в итоге хромца-горбуна, страдающего косоглазием, расстройством координации и склонностью к игре на тамбурелях. Веточки без коры, связующие группы плюх, горсти щебня здесь и там, концентрические круги — верней, эллипсы, на манер храмового зодчества друидов из пещер Зюзудры. Очень похоже располагаются бляшки

ритуального Щита Пользы айяров Махдармаха, призванного отражать козни натурал-джиннов...

«Красненький! Солнышко зажглось! Ну ты же видишь, Агнешка!»

Чувствуя слабость от подступившей к горлу трезвости, колдун сосредоточился. Опустился на колени, сел на пятки. Штаны потом не отстираешь, с этими красильщиками, но — пусть. Неважно. Стоя, он сейчас не сумел бы воспарить духом. По всему телу, в укромных местах, начали вспыхивать темно-лиловые огоньки. Кадык, подмышки, левый локоть, копчик... Мана перераспределялась для дополнительного выброса. Огоньки были в сей момент вполне видимы, и случайный прохожий рисковал до конца дней остаться заикой. Краем сознания Мускулюс сообразил, что структура огней на его теле и структура дислокации плюшек близ тупика...

Увы, мысль осталась внизу, на земле, а дух колдуна вознесся в Вышние Эмпиреи.

— С легким парением, сударь!

Летающий мимо Дикий Ангел раскланялся с малефиком и продолжил полет, жалуясь тени женского пола на одиночество и курьерскую долю. Тень льнула к сердцееду, уютно расположась в его когтях. Мускулюс пожелал ангелу исполнения желаний, после чего взялся за детальный мананализ. Спектролиз, редукция, титрование...

Спустя двадцать минут дух вернулся в тело, стена от позора. Разумеется, детские бастионы только выглядели не по-детски. Во всем остальном плюшки-щебень-веточки были начисто лишены даже привкуса маны. Система не система, а колдовской силы в бастионах и контрэскарпах малышни крылось меньше, чем в бородавчатой жабе-наперстянке. У твари хоть есть шанс, заполучив в пасть стальной болт, ждуть на болоте юного дофина с арбалетом...

Дурень ты, малефик.

Коза ты вольноотпущенка.

Драная.

Разочарован и пристыжен, Андреа брел по улице к забору знакомого дома. Тщательно обходя злополучные плюшки: споткнуться и расшибить в придачу правый мизинец было бы уже полным крахом. Напился, бездарь? Волшба тебе мерещится, худоумку?! Хотелось упасть на разостланную постель, закрыть глаза, забыться... У ворот, из будки, ворчливо гавкнул Ньюшка: носит, мол, всяких! Вспомнив Дикого Ангела, Мускулюс решил было пожаловаться кобелю на одиночество, но поднял глаза и окаменел дурацкой плюхой.

На втором этаже дома Швеллеров светилось окно.

Видимо, там располагалась спальня хворой Ядвиги. Отсюда просматривалась лишь резная

спинка кровати — почтенное ложе семейства, где исправно зачинались маленькие швеллерята и отходили в мир иной старики, уступая наследникам право драть, мять и дубить. Над кроватью, отчетливо виден на светлом фоне, возвышался хозяин Леонард. Лицо кожевника сияло радостью, губы шевелились, произнося неслышимые отсюда слова, а похожими на окорока ручищами Леонард делал пассы.

Проклятье!

В этих пассах крылась *система*.

Кобель Ньюшка гавкнул громче, удивляясь гостю: почему ждет снаружи? Ворот в Красильной слободе не запирали. Но Мускулюс остался глух к намекам кобелька. Весь внимание, он следил за пассами хозяина. Абсолютно неизвестные комбинации. Туманная ритмика пальцовки. Плечи слегка напряжены, хозяин сутулится, отчего жест идет скованно, как у начинающего. Но ошибка исключалась. Движения такого рода не происходят сами собой, во время беседы с удрученной хворями супругой. И — счастье. Немыслимое, невообразимое, юное счастье на бычьей физиономии кожевника.

Сил на Вышние Эмпирей не оставалось.

Но и бросить все, как есть, малефик отказывался. Кобель аж зашелся от зависти, когда Андреа начал обнюхивать воздух, беря «верхний

след». Для выводов хватило пяти минут. Явился сюда обер-прокуратор Надзора Семерых и приведи Андреа Мускулюса к присяге — колдун поклялся бы на «Своде Мажестики», что действия Леонарда Швеллера не имели никакого отклика в тихих омутах астрала. Маной хозяин не обладал, пассы его оказались обманкой, система — чушью, движения — подражательством. Так бульварный мим передразнивает солдата, булочницу, стражника, не являясь никем из жертв своего искусства.

— Что ж ты творишь, дядя? — мрачно пробормотал колдун.

— Моя школа! Вам нравится, мастер Андреа?

Давешний парень-дурачок, большой дока в кулинарном ремесле, вышел из тени акации. Он улыбался. Лицо парня напоминало зеркало, где, лучом низвергаясь из окна второго этажа, отражалась бредовая радость Леонарда Швеллера, хозяина-безумца, — чтобы усилиться стократ.

Вывесить такое зеркало в «Хромом Мельнике» — тамошние зеркала от зависти лопнут.

— Да вы не стесняйтесь! Если нравится, скажите честно. Я никому ябедничать не стану...

— Н-нра... нравится...

Обойдя готового рухнуть колдуна, юный наглец распахнул ворота. Зашел во двор, как к себе домой. Седой кот важно вышагивал за ним по

пятам, задрав хвост трубой. Честное слово, малефик не удивился бы, пойдя из этой трубы белоснежный перистый дым. Вскоре шаги чудного парня затихли. Хлопнула дверь флигеля в глубине. Кот вернулся, запрыгнул на забор и принялся без симпатии разглядывать колдуна.

«Шел бы ты спать, гулена!» — светилось в редком зеленом янтаре кошачьих глаз. Мускулюс не стал спорить.

А в светлом окне смеялся, творя ложные чудеса, угрюмец-кожевник.

* * *

Проснулся колдун на рассвете, бодр и весел. Сбежал вниз, на двор: умыться.

— С правой вам ноги, мастер Андреа!

— И вам всех благ, милочка! Не сольете ли гостю?

— С радостью! Вам холодненькой или подогреть?

— Холодненькой! Ых-х-х!

Такое уже случалось с Мускулюсом: после ночи кошмаров вскочить зеленым, пупырчатым, хрустким огурчиком, до краев налитым соком жизни. Учитель Просперо полагал это качество весьма полезным для их профессии, иногда завидуя ученику вслух. Сам боевой маг подобными

талантами не обладал — даже необходимость поднять чашку с чаем он сопровождал сетованиями. Вид при этом у Просперо Кольрауна был, как у каторжника после трудового дня. Впрочем, Андреа не заблуждался насчет наставника: сетуя и жалуясь, тот мановением перста скрутил бы дюжину таких бодрячков, как любимый ученик. А потом бы еще неделю жаловался.

— А-а-ах! Хватит, милочка, вы меня доконаете!

— Да вас колом не перешибешь, мастер колдун!

— Полно! Я пожилой, больной человек!

— Больной он... Ишь, вымахали на столичных хлебах!

— Я-то что! Вот ваши кожемяки... Кстати, ваш старший братец — он дома не ночует?

— А Шишка пятый год как отстроился! Фержериту Павизар за себя взял, с приданым. Ферж мне, хромой, не чета, она в любую щель затыка... У тупика живут: видали, где наличники резные...

Вскоре, не обращая внимания на Цетинку и заинтересованного Косяка, малефик уперся лбом в забор. «Великая Безделица» требовала регулярности. Позволив телу следовать знакомым курсом, сублимируя ману, Мускулнос задним числом бранил себя за пьянство. Ясно же, что таинственный старичок, детское «колдовство» и

пантомима Леонарда Швеллера — плод воображения, разгоряченного тминной! Тмин вообще дурно влияет на разлитие флегмы! Мало того, позже, едва Андреа лег в постель, начала сниться и вовсе несуразица: кто-то из соседей, подхватив лунатизм от близости лилльских девиц, бродил по крыше дома, громко стеновая, затем повис на водосточной трубе, пытаясь выломать прутья решетки на вожделенном окне, девицы радостно приняли участие во взломе, и лишь героизм капралов, а также меткость Тьядена, выбежавшего наружу с горстью каленых орехов-шибунцов...

Разумеется, кошмар! Бред! Если засыпаешь на трезвую голову, никогда такого не приснится! Завершив упражнения, колдун посыпал голову пеплом.

Фигурально, ясен день.

Скрип дверных петель остался бы незамечен, если бы контрапунктом ему не прозвучал требовательный мяв. На крыльце объявился серебристый котиче, взыскуя завтрака. Продолжая орать, Косяк с неохотой посторонился, выпуская из дверей хозяина. Леонард Швеллер степенно отдал поклон малефику и жестом щеголя смахнул с кафтана невидимые пылинки. Будто не в красильню, а на праздник собрался. Щегольства, а также благостного выражения лица, насколько колдун помнил, за Швеллером ранее не водилось.

Да и суконных кафтанов он избегал, обходясь подручным матерьялом. Куртка из замши, штаны из юфти, сапоги из кирзы, шляпа из велюра. Рубаха, кажется, из лайки, но тут Андреа мог и подзабыть.

Говорят, люди к старости меняются.

Правду говорят.

«Это из-за Ядвиги... Кто ж мог знать?...» — угрюмой латимерией всплыл в памяти голос ланд-майора. Следом потянулся склизкий хвост водорослей-воспоминаний. Тмин тмином, а разговор с Намюром никак не был хмельным кошмаром.

«Вечный Странник! Пять лет назад, Филькин бор, глазь по площадям... Норд-норд-ост. Наша с Просперо работа, клянусь Овалом Небес! Пошла баба по ягоды...»

«Кто ж мог знать?» — опять спросил майор-невидимка.

Андреа пожал плечами. Если бы знали — ничего не изменилось бы. Жизнь и безопасность Его Величества превыше всего. Зацепили рикошетом? — пеняй на судьбу. Интересно, как ведьма-то убереглась? В сторонку шмыгнула? Прикрылась? Любопытно было бы взглянуть на ту ведьму. Прикрыться от удара боевого мага трона...

Совесьть больно кололась в селезенку.

У совести со вчерашнего вечера отросли шипы, клыки и когти.

— Удачи вам на день, мастер Леонард. Не считите за лесть, но жить в вашем доме — истинное удовольствие. Могу ли я в ответ на гостеприимство оказать услугу хозяину?

— Услугу?

— Поверьте, от чистого сердца!

Бывший кожемяка смешался: к такому обращению он не был приучен.

— Какую именно? — довольно грубо поинтересовался он спустя минуту.

— К примеру, я мог бы осмотреть вашу супругу. Ничего не обещаю, но если недуг почтенной Ядвиги того свойства, что я подозреваю... Еще раз: никаких гарантий.

И тут гигант растерялся окончательно. Он глядел на Мускулюса, часто моргая, — колдуну даже почудилось, что глаза Швеллера наполняются слезами. Вот ведь как зараза-тминная над народом изгаляется! Скоро в поднебесье галеон «Слава Реттии» пролетит на всех парусах...

Люди, подобные Леонарду Швеллеру, не плачут. Никогда.

Это малефик знал доподлинно.

— Спасибо... Земной поклон за заботу, мастер Андреа! Я не мог... не смел рассчитывать... Вы заглянули в мою душу! Цетинка, в ножки, падай в ножки благодетелю! Но я... мы... простите, у нас

не хватит денег — оплатить труд такого человека, как вы...

К укорам совести добавился укол тревоги — опытной фехтовальщицы. Прежнему Леонарду Швеллеру в голову не пришло бы смущаться. Затевать разговор о деньгах? Интересоваться ценой, если маячит реальный шанс получить бесплатно?!

«Поплыл хозяин киселем...» — ввернул призрачный ландверьер.

— Не извольте тревожиться, мастер Леонард. Я же сказал — от чистого сердца.

— Нет! Нет! Все, что есть... все, что имею...

— Давайте так: я осмотрю вашу супругу, и, если увижу, что в силах помочь, мы обсудим этот вопрос подробнее. А за осмотр я денег не возьму в любом случае. По рукам?

— Благослови вас Вечный Странник! Идемте скорее!.. Я провожу...

* * *

Осмотр больного, если ты не лекарь — а даже, можно сказать, наоборот, — дело многотрудное. Всей маны Андреа не хватило бы определить у пациента характер опухоли в подреберье или паховую грыжу. Для этого надо знать причины и следствия, симптомы и проявления. Да, колдун в силах учуять некое образование, но отличить злую

шишку от родной печени — тут, знаете ли, опыт требуется. Особенно когда печенка гнилая, а шишка бодрая. Перепутаешь, на радость гробовщикам, и пиши пропало! Это лишь в балладах для черни маг и чтец, и жрец, и на дуде игрец. Можно заставить ветряк крутиться при полном штиле, можно соорудить подходящий ураган, но *починить* устройство ветряка, чтобы им в дальнейшем могли пользоваться обычные люди... Здесь надобен умелец-механикус. Можно, сузив калтер-эманацию наподобие ланцета, удалить фурункул на щеке возлюбленной дамы. Но кто поручится, что завтра дама не подхватит «злую кровь» или не огребет «винное пятно» в пол-лица на месте бывшего фурункула?! Помнится, один коллега переусердствовал, снимая боль, в итоге получив из клиента — прокаженного...

«Маг не мог, мажет, а не может!» — одна из любимых загадок Просперо Кольрауна.

Отгадывай, как сумеешь.

Все это малефик не рискнул излагать мастеру Леонарду. Зачем лишать человека надежды? Тем более что надежда была. Лекарь бился-бился, знахарь бился-бился, ведьма билась-билась... Значит, вполне возможно, что малефик бежал, хвостиком махнул — баба и встала. Причина болезни — вот она, родимая, глядит, не морщится.

Давай, причина. Свою порчу снять — на это тебя хватит.

В комнате царил тяжкий дух немощи и снадобий, побеждая исконных господ: ароматы протрав и жировок. Цетинка явно прибиралась здесь дважды на день; на подоконнике в вазочке качались свежие ноготки и чернобровчики, изо всех сил борясь с запахом хвори. Увы, бой был неравен. Андреа невольно скривился, как от зубной боли. К счастью, Леонард не заметил слабости «благодетеля», целиком поглощенный внезапной удачей. Отстранив мастера, колдун прошел к больной. Женщина лежала на кровати, прикрыта до горла чистой простыней. Взбитая подушка слегка промялась под затылком: чуть-чуть, капельку, словно голова несчастной весила не более горсти пшеницы.

Как ни странно, лицо Ядвиги не выглядело бледным или изможденным — усталым и отрешенным было оно, это лицо. Верная жена тихо преодолевала трудную дорогу. Да, утомилась. Да, выбилась из сил. Да, обуза. Но лишённая сознания, женщина старалась и на этом скорбном пути оставаться незаметной для домочадцев.

Сделав знак родственникам: «Извольте не мешать!», Мускулюс склонился над кроватью. Сменил простое обоняние на *magus paris*. Принюхался. В сложной гармонии не ощущалось

эманации сглаза или остаточной контузии от заклятий Просперо. Брезжила странная нотка, глубоко, на самом краю восприятия... Что именно? Темное дело. «Идем на глубину», — вздохнул малефик. Тонкая диагностика ауры — дело для педантов. Впрочем, взялся за гуж — полезай в кузов. Он выпрямился, жестом «Черный единорог выходит из тени» очертил пространство для работы, разогнав случайные флюиды-искаженцы.

Закрыл глаза.

Сосредоточился.

Перед «вороньим баньши» начали медленно клубиться разноцветные, как кобель Ньюшка, облака, и седые, будто кот Косяк, ветвящиеся струи. Цвет и движение смешивались, проникая вглубь быстрыми язычками, наподобие пылких любовников. Мало-помалу образовалась единая сфера из тумана, пульсируя в еле заметном ритме. Пульс «оглушен» — это понятно: женщина давно без чувств. Цвета, оттенки... Они скорее говорят о душевных качествах Ядвиги, нежели о внешних помехах. Судя по гамме, Леонарду повезло: мастерицу досталась очень покладистая супруга...

Болван! Тебе б так повезло, вредитель!

Структура потоков? В норме. Скорость? Ниже обычной. Ничего удивительного. Это следствие, а не причина. «Птичьи следы?» Цепочки соответствуют более молодому возрасту. Будто и не

жила эти пять лет... «Взлет селезня?» Отсутствует. Узлы дескрипции. Ничего примечательного. Теменная лампадка? Угол 33, норма. Стоп! Назад! Узлы дескрипции! Спокойнее, малефик, спокойнее. Возьмем с изнанки... Нижняя Мама, спаси и сохрани! Потоки, исходящие из узлов, — точная копия входящих! Окрас, интенсив, структура... Они не меняются! Контузия от удара Просперо? Нет, контузия замедлила бы все куда сильнее, но она бессильна влиять на реформацию базовой ауры! Сам Нихон Седовласец, вернись он из Жженого Покляпца, не смог бы сотворить такую пакость!

То, что Андреа видел, было невозможно в принципе.

И еще: какая-то мышка снова ускользнула от охотника. Очень юркая мышка...

Силы были на пределе, их уже с трудом хватало на амбит контроль. Колдун начал осторожно выбираться обратно, на поверхность. По мере выхода из транса сфера бледнела, туман рвался клочьями, сквозь обрывки проступила комната...

Туман!

Туман вокруг ауры!

— У нее контужена судьба.

Немой вопрос в глазах отца и дочери.

Корявые, бессмысленные, единственно верные слова.

— Я ничем не могу ей помочь. Просто не знаю — как. Извините.

Они с хозяином долго сидели на крыльце, избегая смотреть друг на друга. Позже Мускулюс, желая разорвать тягостную тишину, осведомился:

— Простите за нескромный вопрос... Чем вы занимались вчера вечером? В покоях супруги? Окно светилось, я случайно увидел...

— Я колдовал, — честно и с достоинством ответил Леонард Швеллер. — Я же говорил вам: делаю что могу. Ладно, пора в красильню. Спасибо, мастер Андреа. Я видел, вы искренне старались. Удачного дня.

Кожевник ушел, а Андреа Мускулюс остался сидеть на крыльце, гадая: у кого из них двоих несварение мозгов? У мастера Леонарда? У мастера Андреа?

У обоих?!

* * *

Куда отправляется маг, если ему необходимо связаться с коллегой? Ну, для любителя баллад это не вопрос. Маг запирается в башне из слоновой кости, восемь дней бредет пешком на верхний этаж, берет золотое яблочко, наливное блюдечко, наливает в блюдечко пинту стоялого меда, который сам стоит, а других валит, — и начинает катать.

Через строфу, максимум две трубадур выдает припев высоким штилем, и связь обеспечена.

Дамы рыдают, кавалеры в восторге.

Относясь к балладам с презрением реалиста, Андреа Мускулюс для связи с учителем Просперо отправился на площадь Возвышения. Нет, «Хромой Мельник» не манил колдуна. Его вполне удовлетворила пивная палатка напротив шапито. Заказав кружку ванильного «с шапкой», малефик уточнил, что кружка требуется класса «бюргер», вместимостью в один галлон. И без недолива, иначе гость рассердится! Пока заказ отстаивался («с шапкой» без недолива — работа для умельца!), Андреа грыз сухарики и лениво глазел по сторонам. Несмотря на раннее утро, площадь кишела народом. Это как нельзя лучше подходило для его целей.

«Верхнее чутье» после осмотра Ядвиги мало-помалу настраивалось. Требовалось лишь слегка обождать.

Возле шапито галдела ребятня с бабушками. Местами, прожилками мяса в смачном куске сала, толпилась публика почище: офицеры эскадрона конных пращников, расквартированного в Ятрице, местное дворянство, бакалавры Лицея Хирургических Искусств и студиязусы Школы Праведного Судейства, мюнцмайстер с семьей... Особняком стояли гости из Бейзеля — патриции

«Общества Попугая», с ними составители и миниатюристы «Библии Карла Лысого». Под оглушительный звон лир и арф, поддержанный с флангов воем толстухи-тубы, циркачи заманивали публику на вечернее представление. «Цирк Уродов» старался вовсю. Ребяшня ахала, когда двугорбый эльф с вывернутыми бедрами ходил колесом вокруг цверга ростом в два ярда с четвертью, игравшего на басовой фистуле с дульцем. Рядом баловал, выдавая курбеты и вольты, сивый китоврас Гриня; на его спине творила чудеса гуттаперчевая лилипутка Зизи. Кукольное личико акробатки оставалось неизменно приветливым в самых немислимых позах. Дети смеялись, офицеры влюблялись, студиозусы кричали «Браво!»

Народ жаждал зрелищ.

«Хорошо, но мало», — оценил ситуацию Мускулюс. Сейчас «avaritia ludus» толпы была ему, как глоток пылающего грога в зимнюю стужу.

— Ваше пиво, сударь!

— Благодарствую, голубчик...

Для начала колдун изловил и подсадил в кружку мелкого лярва-питуха. В обмен на пиво этот паскудник, обычно специализирующийся на жутких мороках, даровал исключительную четкость изображения. Если, конечно, хватало пива и сил держать гада в строгости. Чувствуя тяжелую руку Андреа, лярв притих, не мешая сосредоточению.

— А кто на помосте хочет размять кости? Никого не спрося, хватай порося, — да потом не жалуйся!..

Это было просто подарком судьбы. На помосте, напротив церкви Выноса-Всех-Святых, бирюч-охальник орал в медное хайло, зазывая народ поглядеть турнир по «свинобою», популярному в южных провинциях королевства. Богатыри-участники уже плясали по краям помоста ритуальный танец-хряковьяк, размахивая мешками из дерюги. Мешки истошно визжали и дергались. Наконец первая пара бойцов вышла на середину. Низко присев, раскорячась гигантскими жабами-оборотнями, они внимательно следили друг за дружкой, посыпая доски ржаными отрубями. Первым не выдержал конопатый амбал: умело обнажив бойцового поросенка, он закружился вихрем, идя на сближение. Покинув опостылевший мешок и увидев врага, поросенок издал боевой клич, оглушив замешкавшегося бирюча. Но и второй боец не оплошал. В последний момент, когда вопящая тушка должна была ахнуть его в висок, он ушел кувырком, выдергивая свое оружие из пыльных «ножен». Черный и жилистый, его поросенок по дороге тяпнул амбала за щиколотку — и почти сразу, управляемый ловкими руками, всем телом шваркнул противника по спине.

Перехватив свинов «обоеруч», бойцы взялись за открытый обмен ударами.

Кроме молодецкой потехи, это была изрядная статья ятрийского экспорта. Из бойцовых поросят вырастали кабанчики-телохранители, столь ценимые тиранами Дангопеи и сатрапами Ла-Ланга. Набрав вес, не позволяющий более участвовать в боях, и избавившись от бойца-мучителя, могучие, твердые как гранит кабаны проникались преданной любовью к первому же избавителю, готовые отдать за него жизнь. И отдавали, надо заметить, без сожалений и лишнего визга. Про одного такого героя даже была написана знаменитая трагедия в стихах «Телохранитель», вскорости собравшая овации на всех сценах Реттии.

Изрядная толпа ломанулась к помосту, и это явилось последней каплей.

Захватив как можно больше конспект-флюидов, Андреа спрессовал добычу в единый шкворень. Раскаленный от маны штырь пробил кружку насквозь, ища в пространстве одну-единственную цель: Просперо Кольрауна. Пока шкворень проникал все глубже и глубже, едва не прибив увлекшегося пивом лярва, малефик усадил рядом на скамью «именную личинку». В отличие от банальной личины, когда ты под чужим обличем все-таки вынужден вступать в разговоры или делать вид, что занят делом, «личинка»

занималась этим сама, без участия создателя. Вела светские беседы, глазела на помост, отпускала сальности в адрес лилипутки — делая создателя практически невидимым.

«Отшельник на площади».

Помнится, учитель долго вбивал в колдуна сию науку.

Спустя минуту в кружке, обрамленное пеной, явилось недовольное лицо Просперо Кольрауна. Пена оказалась исключительно к месту: боевой маг трона возлежал в подогретом бассейне, окружен благовониями и лепестками роз. Лоб учителя густо усеяли бисеринки пота: видимо, зов ученика отвлек его от «Великой Безделицы».

— Чего надо? — приветливо спросил Кольраун.

SPATIUM III

**Совет да любовь Бескорыстных Заговорщиков,
или мемуары Просперо Кольрауна, боевого мага
трона
(ледоколец-месяц, четыре с половиной года тому
назад)**

Сплетням о боевых магах несть числа.

Один разметал свинцовым градом орды тугрийской конницы под Шамширом. Другой, трубя в Заветное Горнило, обрушил стены Еросолиума на головы защитников. Третий пылающим флеймоглобусом вскипятил геенну снежную, после чего все демоны Нижней Мамы ходили красные и варенные «в мешочек». Четвертый, когда разверзлась пучина Кручина, выпуская наружу спящее Зло, съел на завтрак Квадригу Белобородцев и закусил островами Вах-Вах, последним убежищем темных сил. Пятый восемь дней дрался на Общем Погосте с превосходящими силами мертвяков, в итоге оживив всех до единого. Шестой...

Просперо Кольраун ненавидел дураков и трубадуров.

Это чувство он передал ученикам.

Ведя в Реттийском Универмаге курс начальной военной подготовки, он неизменно, на самой первой лекции, задавал слушателям один и тот же вопрос:

— Если боевая магия способна на такие подвиги, зачем нужны армии?

Слушатели чесали в затылках и соображали.

После неудачного покушения на жизнь Эдварда II боевой маг трона был вызван во дворец. Не сразу; пять месяцев спустя. Король на глазах у маршалов, сенешалей и камерариев облобызал

Просперо, прижав спасителя к груди, после чего удалился с ним в отдельные покои. Где маг и узнал о депеше Совета Бескорыстных Заговорщиков. С одной стороны, приятно выяснить, что отныне король неприкосновенен для СоБеза, но, с другой стороны, раздражал сам факт интереса сих господ к августейшей особе. Уж лучше бы на короля посягнул очередной бастард, возжелав скипетра и державы. Хуже нет, чем бескорыстные поклонники чистого искусства...

СоБез был учрежден печально известным Нотацием Репатриантом, епископом секты хаотитов. Радикальное крыло хаотитов — так называемые братья-катакомбисты, к коим принадлежал Нотаций, — любую власть полагало результатом небесного произвола, плодом соития Отца-Хаоса с самим собой, отрицая логические предпосылки перемен. Стоило катакомбисту заикнуться, что владыка X — тиран и деспот, а посему замена его на милосердного реформатора желательна ради процветания страны, или что повелитель царства N — старый маразматик, а посему...

Такого брата ждал карцер до полного осмысления.

Нотацием, прозванным меж хаотитами Внезапным, возглашалась доктрина «Беспорядочных связей». Согласно ее догмату,